

В ПЕРВЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

АЛЕКС БРАНДТ

ПЛАМЯ
МАГДЕБУРГА

Алекс Брандт
Пламя Магдебурга

«ЭКСМО»

2014

Брандт А.

Пламя Магдебурга / А. Брандт — «Эксмо», 2014

В самый разгар Тридцатилетней войны, огнем пожирающей Европу, к Магдебургу – оплоту протестантской веры – подступила огромная армия кайзера. Древний город взят в кольцо осады, и его падение – лишь вопрос времени, если на помощь не подоспеет непобедимая армия шведского короля. Тем временем отряды наемников из католической армии рыщут по окрестностям, грабя мирные городки и села, отнимая у людей последнее и убивая всех тех, кто осмеливается им противостоять. Группа молодых горожан во главе с Маркусом Эрлихом решает отомстить солдатам за их бесчинства. Так некогда тихие бюргеры становятся охотниками за головами. Мир, который был так дорог Маркусу и его товарищам, рушится прямо у них на глазах, и обратной дороги нет ни для кого...

© Брандт А., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	22
Глава 4	32
Глава 5	42
Глава 6	54
Глава 7	62
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Алекс Брандт

Пламя Магдебурга

© Алекс Брандт, 2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

Часть первая

Глава 1

«Германия, о прекрасная и славная земля! Сколь велики бедствия, поразившие тебя, сколь тяжело твое горе! Война терзает тебя, огонь пожирает твои селения, голод и мор забирают твоих детей. Нет более числа умершим и искалеченным, нет числа обездоленным и несчастным, и кровь проливается на твои пашни подобно дождю...»

Крупные угловатые буквы воззвания были отпечатаны довольно плохо. Пробежав глазами первые несколько строк, Карл Хоффман поморщился и вытащил из бархатного футляра очки.

«... Кто же повинен во всех этих несчастьях? Кто повинен в том, что в империи не осталось более закона и справедливого суда, что сильный не защищает слабого, что торговля и ремесла пребывают в упадке, а некогда богатые и плодородные земли обратились в пустыню? Узри же своего врага, Германия! Того, кто презирает права сословий и не чтит заключенных договоров; того, кто отринул и растоптал все клятвы и обещания, данные его предками; того, кто желает уничтожить истинную церковь, а всех германцев сделать рабами римского папы; того, кто режет германские земли, будто кусок полотна, и раздает их своим приспешникам. Узри его и произнеси его имя – имя жестокого и вероломного Фердинанда Габсбурга!¹

Германия, вот твой истинный враг! Со времен норманнов и венгров не было у тебя врага страшнее, ибо что может быть страшнее могущественного правителя, ненавидящего свой народ? Что может быть страшнее государя, забывшего о своем долге и благе подданных, государя, сделавшегося марионеткой в руках римского Антихриста?

Истинный государь призван охранять в своих владениях мир, обязан чтить законы Империи, быть своему народу не жестоким тираном, но любящим и заботливым отцом. Но разве тот, кто десять лет назад принял из рук курфюрстов императорскую корону и с тех пор стал именовать себя кайзером, сделался добрым правителем для Германии? Свое царствование он начал с того, что силой оружия отнял у Фридриха Пфальцского² его титул и земли и передал их – без суда, без согласия имперских чинов – своему кузену, Максимилиану Виттельсбаху³. Чтобы устрашить недовольных, он призвал в страну испанских солдат. Он раздул пламя войны по всей Империи, уничтожая любого, кто осмеливается бросить вызов его несправедливой и незаконной власти. Он наводнил страну своими отрядами и гарнизонами, которые беспрестанно грабят людей и опустошают землю, уничтожая богатства, копившиеся веками, тысячи семей обрекая на голод и нищету...»

Бургомистр снял на секунду очки, устало потер глаза.

Путешествие порядком утомило его, и он не мог дождаться, когда они наконец доберутся до Магдебурга. Карета выехала еще на рассвете, и вот уже без малого три часа они тряслись по разбитой, петляющей меж деревьев дороге. От тряски, от натужного скрипа колес у него начала болеть голова, а спина затекла так, как будто он протащил на ней мешок с углем.

Бургомистр был уже стар. Его жирные щеки обвисли и покрылись морщинами, короткие волосы приобрели неприятный пепельный оттенок. Минувшей весной ему исполнилось

¹ Фердинанд II Габсбург (1578–1637) – император Священной Римской империи германской нации с 1619 по 1637 г.

² Фридрих V Пфальцский (1596–1632) – курфюрст Пфальца; король Чехии (1619–1620), один из лидеров протестантской партии в Германии.

³ Максимилиан I Виттельсбах (1573–1651) – герцог Баварии, глава Католической лиги.

пятьдесят три – весьма солидный возраст, особенно если учесть, что в Кленхейме редко кому случалось дожить до пятидесяти.

В последнее время годы все сильнее стали тянуть Карла Хоффмана вниз, пригибать к земле. Еще совсем недавно он мог без посторонней помощи сесть на лошадь и проскакать несколько миль, и даже в Магдебург предпочитал ездить верхом, а не в карете. Но теперь о верховой езде пришлось забыть. И если бы только о верховой езде. Любое физическое усилие давалось ему нелегко. От долгой ходьбы у него начиналась одышка, он не переносил жары и не мог поднимать тяжести. Ему пришлось заказать знакомому башмачнику в Магдебурге новые туфли из мягкой кожи – прежние стали слишком жесткими, в них сильно болели ступни.

«Пора, пора уходить на покой, – подумал он. – Если уладим дело с фон Майером, так и объявлю на Совете. Найдут, кем меня заменить. Тот же Эрлих или Грёневальд вполне подойдет на мое место...»

Он тяжело вздохнул, провел ладонью по низкому лбу. Снова поднес к глазам измятый листок:

«...Своему жестокому слуге, Альбрехту Валленштайну⁴, Фердинанд даровал герцогство Мекленбургское, при помощи грубой силы отнятое у истинных правителей, герцогов Адольфа Фридриха и Иоганна Альбрехта. Его войска вероломно атаковали Штральзунд, до того не принимавший никакого участия в войне и ничем не нарушивший законов Империи. Вопреки решению соборного капитула, он передал власть над Магдебургом своему сыну, Леопольду Вильгельму, а когда город отказался подчиниться, подверг его жестокой осаде. Он утвердил Реституционный эдикт⁵, который лишил протестантов Германии всех прав и имуществ, позволил изгонять их из родных мест, словно бродяг, сделал их беспомощными и нагими перед грубым произволом римских церковников.

Стоит ли еще перечислять несправедливости и беззакония, которые творятся именем кайзера и по его прямому приказу? Ограбленные города, разоренные земли, трупы, гниющие на полях, оскверненные алтари – требуются ли иные свидетельства его преступных деяний? Все те годы, что длится война, Фердинанд Габсбург воюет не с внешним врагом, а со своими собственными подданными. Воюет против князей, которые не желают подчиниться ему; против городов, которые не хотят принимать у себя его гарнизоны; против простых людей, которые не в силах более терпеть притеснения его войск. В этой войне у него есть только одна цель – самодержавная власть. Власть неограниченная, не связанная ничем, позволяющая распоряжаться судьбами германских земель по своему усмотрению, дающая право устанавливать подати, не спрашивая мнения сословий, казнить неугодных, волей своей объявлять войну или заключать мир. Власть совершать все то, что позволено испанскому королю Филиппу или московскому царю Михелю Теодору. Власть, позволяющая лишить немцев их исконных свобод и возложить Империю, как драгоценный трофей, к стопам главного ненавистника Германии – римского папы...»

Хоффман прервал чтение и откинулся на жесткую спинку сиденья.

Сколько подобных воззваний уже разошлось по разным уголкам Империи? Говорят, что в магдебургских мастерских их печатают сотнями, а затем отправляют с торговыми кораблями вверх и вниз по реке, прячут в трюмах среди товаров, чтобы не отыскивали имперские чиновники и солдаты, а после выгружают в Гамбурге, Мейссене, Дрездене, Виттенберге – повсюду, где еще можно найти людей, ненавидящих католическое правление и готовых рискнуть своей шеей ради защиты истинной веры.

⁴ Альбрехт фон Валленштайн (1583–1634) – главнокомандующий имперской армией, имперский генералиссимус, герцог Фридрихландский и Мекленбургский, один из наиболее выдающихся полководцев Тридцатилетней войны.

⁵ Реституционный эдикт – указ, изданный императором Фердинандом II в 1629 г., согласно которому часть протестантских земель, включая Магдебургское архиепископство, должна была быть возвращена католической церкви.

Вот только много ли во всех этих воззваниях правды? Стоит ли одного императора винить в том, что произошло в Германии за последние несколько лет? Да, Фердинанд жесток, ему наплевать на титулы и законы, ради упрочения своей власти он не останавливается перед любым, даже самым чудовищным кровопролитием и противников своих не щадит. Но так ли уж благородны и честны те, кто противостоит ему? Разве богемские дворяне под предводительством графа Турна⁶ не вторглись с двадцатитысячной армией в Австрию и не обстреливали из пушек укрепления Вены? Разве Мансфельд и Христиан Брауншвейгский⁷ не грабили мирных деревень, не накладывали контрибуций, не сжигали католические монастыри и церкви ради того, чтобы набить золотом собственные сундуки?

Что толку теперь рассуждать об этом... Война принесла императору удачу, его противникам – унижение и позор. Армию чешских протестантов католики уничтожили при Белой Горе⁸. Баварский герцог и испанский король – союзники кайзера – поделили между собою Пфальц. Тилли⁹ и Валленштайн наголову разгромили датского короля Христиана¹⁰, решившего прийти на помощь своим единоверцам в Германии. И вот сейчас, двенадцать лет спустя после начала войны, вся Империя лежит в страхе перед Фердинандом и никто не осмеливается возвысить свой голос против него. Бранденбург и Саксония безмолвствуют. Вюртемберг, Баден, Гессен, Брауншвейг, равно как и остальные протестантские княжества Империи, склонились перед мощью католических армий. В Германии у кайзера не осталось больше противников...

Карету подбросило на очередном ухабе, и Хоффман недовольно поморщился. Как же холодно и неудобно, как затекла от неудобного сидения его спина... Он бы многое отдал сейчас, чтобы вновь очутиться в своем кресле перед горящим камином, чтобы ноги его укрывал шерстяной плед и чтобы Магда принесла ему кружку подогретого молока. Путешествия так вредны в его годы...

Он перевел взгляд на своего попутчика. Хойзингер сидел, уткнувшись в бумаги, и его слегка выпученные, внимательные глаза быстро пробежали от строчки к строчке. Наверное, просматривает какие-то счета или же заново проверяет расписки, которые они должны показать сегодня фон Майеру... Что ждет их в Магдебурге? Не исключено, что фон Майера сейчас вообще нет в городе или же он – в силу своей занятости и того высокого положения, которое он занимает в магдебургском совете, – не сможет принять их и выслушать. И что им придется делать тогда? Отыскивать поверенных, готовых вести дело в суде? Писать жалобы, искать обходные пути в канцеляриях? Сколько времени, сколько сил будет потрачено на это...

Хойзингер отложил бумаги в сторону и потянулся.

– Все сходится, – сообщил он, стараясь подавить зевок.

– Что сходится? – переспросил бургомистр.

– Пятьсот талеров серебром, – пояснил тот. – Якоб не ошибся в расчетах.

Бургомистр слабо кивнул и ничего не ответил.

Дорога медленно плелась вдоль кромки густого леса. Подковы мягко стучали, скрипел разошедшийся короб кареты, плыла по сторонам пустая, потускневшая без теплого солнца земля. На вершине холма показался каменный крест – выщербленный, высокий, схваченный у основания темными ладонями мха. Чуть дальше согнулись в пояс, уткнувшись верхушками в дорожную пыль, надломленные стволы берез – год назад в здешних местах прошел ураган.

⁶ Индржих Матиаш Турн (1567–1640) – лидер чешских повстанцев, один из лидеров протестантской партии в империи.

⁷ Петр Эрнст фон Мансфельд, Христиан Брауншвейгский – командующие армиями протестантов.

⁸ Битва при Белой Горе (8 ноября 1620 г.) – битва, в которой войска Католической лиги разгромили армию чешских повстанцев.

⁹ Иоганн Церклас фон Тилли (1559–1632) – имперский фельдмаршал, главнокомандующий армиями императора и Католической лиги, один из наиболее выдающихся полководцев Тридцатилетней войны.

¹⁰ Христиан IV (1577–1648) – король Дании, в 1625 г. объявивший войну императору Фердинанду, но после ряда поражений вынужденный подписать мирный договор.

Молчание прервал Хойзингер:

– Ты напрасно уделяешь столько времени этим бумажкам, – сказал он, ткнув маленьким пальцем в сторону отпечатанного листка. – В них только глупость и безрассудство, и ничего более. Кайзер не простит Христиану Вильгельму¹¹ подобных воззваний, равно как и союза с королем Густавом¹².

Бургомистр вздохнул, пожевал губами.

– Что, по-твоему, сделает Фердинанд? – спросил он. – Снова двинет к Магдебургу войска, прикажет начать осаду?¹³ Думаешь, прошлогодняя неудача ничему не научила его?

– Откуда мне знать, что именно сделает император? – дернул щекой Хойзингер. – Одно могу сказать: союза с королем Швеции он ни за что не потерпит. Скажи мне, Карл: для чего Магдебургу понадобился этот союз? Какие мы, к черту, союзники? Уверяю тебя, при первой же возможности король сторгуется с Фердинандом за наш счет, вытряхнет нас из своего кошелька, как мелкую монетку. Куда Магдебургу тягаться с императором? Большая свинья всегда поросенка задавит. Сидеть бы нам теперь тихо, не высовываться... Не то сейчас время, чтобы свой гонор показывать и поднимать на всю Германию шум.

– По-твоему, Его Высочеству следовало не заключать союза со шведами, а поклониться вместо этого кайзеру? Пойти с Фердинандом на мировую, без боя отдать здешние земли католикам? Это же смешно, Стефан...

Хойзингер склонил голову набок, чуть подался вперед:

– Ты прекрасно понимаешь, о чем я говорю. Беда не в том, что Его Высочество заключил с королем договор, а в том, как и когда он его заключил. Сейчас, когда Швеция объявила Империи войну, а король Густав со всей своей армией высадился на северном побережье, такой договор нельзя назвать ничем иным, как глупостью. Я уже не говорю о том, чего будет стоить эта новая дружба. Знаешь, я тут недавно занялся подсчетами – стало любопытно, во сколько Кленхейму обходятся военные авантюры наших правителей. Так, так... Годовую подать за последние десять лет увеличили в три раза. Неплохо, правда? Так, дальше... Магдебург установил новую ввозную пошлину на свечи – четыре талера за ящик вместо прежних полутора... Для содержания войск Его Высочества отдали интендантам десятков лошадей и две подводы с зерном... Что еще? Введен налог на содержание укреплений... Ротмистру Хеммке выплачено на основании предписания канцелярии наместника две сотни талеров для чрезвычайного – слово-то какое: чрезвычайного! – найма солдат...

Он сокрушенно махнул рукой.

– Да что говорить... Известное дело: о чем в кабаке бубнят – в государственном совете не слышат. Одно скажу: без толку читать все эти воззвания. В судьбе Кленхейма они ничего не решают. Меня куда сильнее заботит, когда мы наконец получим из Магдебурга деньги.

– Фон Майер поможет все уладить.

– Признаться, Карл, я не очень-то рассчитываю на его помощь... Что может сделать фон Майер? И ты, и я знаем, что дела в Магдебурге идут неважно. Да и у кого они теперь идут хорошо? Из-за проклятой войны торговли совсем не стало. Провизию купить негде, крестьяне ничего не хотят продавать. Клара Видерхольт хвастала недавно, что ей удалось выменять шесть фунтов сушеной рыбы в Рамельгау. Представляешь, событие?! Даже такой мелочи теперь люди радуются. И что за примерами далеко ходить – ты знаешь, я большой охотник до чесночных колбас, особенно если их сделать с приправами и соли в меру. У нас их готовить толком никто не умеет, и прежде я покупал их в Гервише, у тамошнего мясника. Пару кругов колбасы за

¹¹ Христиан Вильгельм Гогенцоллерн (1587–1665) – наместник Магдебургского архиепископства (1598–1631), один из лидеров протестантской партии в империи.

¹² Густав II Адольф Ваза (1594–1632) – король Швеции (1611–1632), один из наиболее выдающихся полководцев Тридцатилетней войны.

¹³ В 1629 г. армия герцога Валленштайна на протяжении нескольких месяцев осаждала Магдебург.

полталера – дороговато, конечно, но того стоит. А сейчас он отказывается продавать даже за тройную цену. Вот так-то. Раньше можно было раздобыть все: и молоко, и зерно, и овощи, были бы только деньги. А сейчас – ни денег, ни съестного. Крестьяне разбегаются кто куда, деревни обезлюдели. В Мюлихе и Гёллене дома стоят пустые, никого нет. В Лозовитце всех коров забили на мясо, лишь бы не достались солдатам. Помнишь, что рассказывали те двое беженцев из Лебена? Солдаты ворвались в их деревню, забрали весь хлеб и увели скотину, ничего не оставили. От голода им пришлось есть дождевых червей вместе с землей. Даже не знаю, как они смогли выжить... Вот, посмотри!

Хойзингер отодвинул оконную шторку, и взгляду бургомистра открылось неровное, заросшее сорняками поле.

– Видишь? Раньше здесь сеяли ячмень, а теперь все заброшено.

Он задернул шторку обратно.

– Так повсюду, Карл, все приходит в упадок. Замирает торговля, уезжают люди, а вместе с ними уходят деньги и товары. Мы привыкли жить на богатой земле, долго ли протянем на бедной?

– Ты преувеличиваешь, – после некоторой паузы произнес бургомистр. – Рано или поздно скупщики заплатят. Магдебург все равно должен где-то покупать свечи, они не смогут без нас обойтись.

– Если бы так, – пробормотал Хойзингер. – Но порой мне кажется, что Магдебургу нет до нас никакого дела. Что такое Кленхейм – пять дюжин дворов да церковь, одно название, а не город. – Он усмехнулся невесело: – Знаешь, Карл, я боюсь не того, что нападут солдаты. Слава богу, живем посреди леса, вдали от дорог, и не так-то просто нас отыскать. Страшно то, что мы можем пойти по миру, что в Кленхейме начнется такой же голод, как и везде. От солдат можно отбиться или спрятаться в лесу, а куда денешься от бескормицы? Нужны деньги, Карл, очень нужны. Ты не хуже меня знаешь: выплата жалованья, содержание построек, подати наместнику – на все это Кленхейм тратит теперь не меньше двухсот талеров в год. И где, скажи, взять столько? Положим, около пятидесяти талеров удастся выручить от продажи сена и дерева, еще столько же дадут налоги и штрафы. Остальное должен перечислять цех, но цех в этом году не отдал в городскую казну и половины положенного, коль скоро сам не получает оплаты от скупщиков. И что мне прикажешь делать со всем этим? Денег нет, но при этом каждый считает своим долгом требовать их. Отцу Виммару понадобилось десять талеров на черепицу для починки церковной крыши, у Шёффля на мельнице износились шестерни и нужно покупать новые, Гримм требует платежа по прошлогоднему векселю. А третьего дня в ратушу приходила эта ненормальная, вдова Витштум, устроила настоящий скандал – почему, дескать, перестали выплачивать пенсион, который был ей назначен по смерти мужа. Я, разумеется, показал ей решение Совета на этот счет, но она раскричалась и назвала меня мошенником, который присваивает чужие деньги. Еле удалось выставить ее за дверь. А сейчас, посмотри, написала письмо в городской совет.

Бургомистр принял из рук Хойзингера листок с половинками сломанной восковой печати. Маленькие неровные буквы, строчки, ползущие вверх:

«Многоуважаемым господам советникам, по правде, закону и установлению Божию – Эрика Витштум, вдова, в лето тысяча шестьсот тридцатое от Рождества Христова. Да будет известно господам советникам, что в отношении нашего семейства, именем своим обязанного моему мужу, Альфреду Витштуму, учителю, умершему два года назад, совершается большая несправедливость».

Почерк был мелкий, и, чтобы читать дальше, бургомистру пришлось снова надеть очки.

«Ввиду уважения, которым пользовался в Кленхейме мой упокойный муж, ввиду его доброго имени и заслуг, которые никто никогда не оспаривал, семейству нашему по смерти мужа был назначен пенсион в два талера серебром, о чем было исделано соответствующее распоря-

жение, подписанное господином бургомистром Хоффманом. До последнего времени распоряжение это исполнялось должным образом и в срок».

– Почти без ошибок. Любопытно, кто ей помогал с этим, – заметил Хойзингер. – Не удивлюсь, если отец Виммар постарался или же младший Цинх. Кажется, это его почерк.

«Однако после Варфоломеева дня господин Хойзингер, казначей, отказал нам в выплате денег, сославшись при этом на принятое городским советом решение».

– «Сославшись»! – передразнил Хойзингер. – Я не только сослался, я его показал и попросил Цинха, чтобы он прочел его Эрике вслух.

«Обращаюсь к многоуважаемым господам советникам с почтительной просьбой исправить случившуюся в отношении нашего достойного семейства несправедливость. Осмелюсь также напомнить, что после смерти мужа на моем попечении остается четверо детей, которых я содержу одна. Уповаю на мудрость и доброту отцов города, правящих Кленхеймом в согласии с Божьим законом и людским обычаем».

Бургомистр снял очки и вернул Хойзингеру письмо.

– Ну, что скажешь? – осведомился тот.

– Зачем она это написала? Ведь пенсии перестали платить всем, не только ей: и Келлерам, и Видерхольтам, и остальным тоже.

– Я же тебе говорю – ненормальная. За всю свою жизнь не видел более склочной и неприятной бабы. Впрочем, разве в ней одно дело? Сказать по совести, Карл, я совсем не представляю, что мы будем делать, если скупщики не погасят свой долг. Но уж если Господу будет угодно смилостивиться над нами и мы получим из Магдебурга хотя бы часть денег, то я найду, как ими распорядиться. Разумеется, ни единого талера не пушу на уплату подати или на черепицу для церковной крыши. Нет, вместо этого мы закупим зерна, солонины, всего, что удастся достать и что пригодится в голодную пору. Набьем доверху кладовые, а потом и посмотрим, как жить дальше!

В этот момент карету сильно потрянуло, и она опасно накренилась набок.

– Петер, поосторожней! – крикнул бургомистр вознице, хватаясь руками за жесткое сиденье.

– Извините, господин Хоффман, – отозвался тот. – Дорога вся разбитая, я уж стараюсь, как могу.

– Долго еще ехать?

– Сейчас по левую руку будет сгоревший дом, за ним – роща, а там уже совсем близко.

– Скорее бы, – поежился бургомистр.

– Не следовало брать возницей Петера, он не следит за дорогой, – заметил Хойзингер. – Наверняка задремал на козлах, оттого и яму проморгал, бездельник. В их семье все такие, потому и живут бедно. Но при этом, заметь, имеют наглость каждый год кланчить себе пенсион.

– Зачем ты так – Петер хороший парень. О матери заботится, да и работник из него неплохой.

– Как же, работник, – криво усмехнулся Хойзингер, отчего его рыжие усы слегка встопорчились. – Никогда Штальбе не были хорошими работниками. Вспомни хоть Петерова отца, Андреаса. За все брался – и плотничал, и у кровельщика Райнера в помощниках ходил, и в кузне работал. И толку? Гнали его отовсюду, потому как любая работа из рук валилась. И помер он раньше срока, оттого что пьяный упал в колодец и утонул. Петер в него пошел. Ничего толком делать не умеет, вот и нанимается, куда возьмут – свиарник вычистить, канаву прокопать или мешки с мельницы перетаскать.

– Что плохого в том, что человек не боится грязной работы? Не забывай, ему нужно содержать мать и двоих сестер.

– Я тебе одно скажу: Петер должен учиться ремеслу, а не дурака валять. Всю жизнь таскать мешки – много ума не требуется, но семью этим не прокормишь.

Бургомистр лишь пожал плечами в ответ. Спорить больше не хотелось.

Отодвинув шторку, он выглянул в окно. Хмурое небо было затянуто облаками, собирался дождь. Ветер носился над остывшей землей, поднимая в воздух пыль и пригибая вниз желтые головки полевых цветов. Было холодно.

Сгоревший дом, о котором упоминал возница, остался позади. Теперь дорога шла поперек широкого, заросшего травой луга. Вокруг было пусто – ни людей, ни животных. Только вдалеке, за деревьями, медленно вращались лопасти ветряной мельницы.

Колеса монотонно скрипели, карета раскачивалась, и можно было услышать, как проросшая на дороге трава шелестит под ее днищем.

Через какое-то время дорога пошла вверх и взобралась на небольшой холм. Далеко впереди бургомистр увидел каменные башни и высокие шпили церквей, похожие на черные иглы. Ветер донес до его слуха протяжный звон колоколов.

Это был Магдебург.

* * *

Спустя какое-то время карета подъехала к мосту, соединяющему правый и левый берега Эльбы. Под затянутым тучами небом река казалась холодной и неприветливой. Ветер гнал по ее поверхности маленькие волны; они бежали, обгоняя друг друга, и с тихим плеском разбивались о каменные опоры моста.

Карету остановили. Худой офицер с неподвижными глазами и безгубым ртом заглянул внутрь.

– Кто вы такие и откуда? – осведомился он.

– Я – Карл Хоффман, бургомистр Кленхейма. Со мной Стефан Хойзингер, городской казначей, – последовал ответ.

– Что вам понадобилось в Магдебурге?

– У нас дело к советнику фон Майеру.

По знаку офицера двое стражников осмотрели карету. Когда они убедились, что внутри нет никаких товаров, подлежащих обложению пошлиной, офицер вяло махнул рукой, пропуская карету дальше.

Порывы ветра усилились, но на этот раз ветер разогнал тучи, и в небе показалось солнце. Мягкий, согревающий свет пролился на город, разом осветив черепичные крыши и высокие медные шпили, вспыхнув золотыми искорками на поверхности воды.

Хоффман осматривался по сторонам – он не был здесь больше двух лет. На башнях и у ворот прибавилось часовых, из бойниц равнодушно выглядывали круглые пушечные жерла, нацеленные на противоположный берег. Снаружи казалось, что город как будто затих, спрятавшись в ожидании беды, осторожно посматривая наружу поверх каменного пояса стен. В остальном все было как раньше. Только Эльба опустела. Обычно в это время года здесь царил столпотворение: подходили один за другим торговые корабли, тянулись баржи, нагруженные лесом, зерном и солью. Ничего этого теперь не было – только одинокая шхуна стояла у пристани, да пара рыбацких лодок медленно двигалась по течению вверх. Чуть вдалеке несколько женщин, смеясь и переругиваясь, стирали в реке белье.

Миновав тяжелые своды Эльбских ворот, карета въехала в Магдебург.

Улицы города были заполнены людьми. Торопились разносчики, семенили девушки с плетеными корзинами в руках, скрипели груженные повозки. В толпе мелькали кафтаны и платья, куртки и белые рукава полотняных рубашек, чепчики служанок и длинные алебарды солдат. На крепостной стене работники с помощью веревок и деревянных платформ поднимали вверх обтесанные каменные блоки. Лавочники громко расхваливали свой товар, сидящие на мостовой нищие и калеки протягивали руки за подаванием. Выкрики, смех, ругань, шелест

одежды и цоканье подков, скрип тележных колес, хлопанье дверей и ставен – все сливалось в мерно гудящий шум, висевший в воздухе, словно невидимое облако. Пахло дымом из печных труб и холодной речной водой, хлебом и свежельвленной рыбой, и ко всему этому примешивался запах старого, пропитавшегося пылью и временем камня.

Ветер стих, теплые солнечные лучи заливали землю, на булыжниках мостовой лениво топтались голуби.

Несмотря на безветренную погоду, свет и солнечное тепло, бургомистр почувствовал вдруг, что его немного знобит. Впрочем, здесь, в Магдебурге, он всегда чувствовал себя неуютно. Город подавлял его своим богатством и тяжестью, высотой своих зданий, криками и шумом многоголосой толпы. Выступающие вперед верхние этажи домов заслоняли небо, от пыльного, нечистого воздуха было трудно дышать, а улицы и переулки напоминали ему узкие проходы, прорубленные сквозь толщу гранитной скалы. Здесь, на улицах Магдебурга, Хоффману начинало казаться, что он, подобно пророку Ионе, очутился внутри какого-то исполинского живого существа – существа, способного мыслить и двигаться, могущего испытывать радость, боль или страх; существа, чью жизнь поддерживают тысячи людей, которые населяют его распластанное по земле огромное тело и движутся по его улицам и площадям точно так же, как кровь движется по переплетениям сосудов и вен. В иные минуты ему представлялось, что город и сам движется – незаметно, но уверенно и основательно; движется, обгоняя бег облаков и течение Эльбы, и каменные церкви, словно огромные корабли, плывут среди черепичных волн, и длинные серые тени почтительно следуют за ними, цепляясь за жестяные карнизы домов, заглядывая в распахнутые окна, утопая в узких, заваленных хламом проулках, задевая маленькие палисадники и тонкие ветви фруктовых деревьев, угловые статуи и каменные завитки крыш...

– Петер! – крикнул Хойзингер, высовываясь из окна. – Видишь колокольню Святого Ульриха? Держи теперь прямо на нее, никуда не сворачивай. А возле Андреасова трактира, там, где каменная голова над входом, сразу забирай влево, на Широкий тракт. Да смотри, болван, не ошибись, иначе потом полдня потеряем...

За окном кареты проплывали дома, тени ложились на пыльную мостовую. Под звук барабанной дроби промаршировали мимо солдаты в кожаных колетах¹⁴ и нечищенных стальных шлемах, с бело-зелеными лоскутами, нашитыми на рукаве. Глядя на них, Хоффман вдруг вспомнил, как впервые оказался в Магдебурге. Сколько лет ему тогда было? Одиннадцать? Или, может, уже двенадцать? Неважно, впрочем... Отец, которому надо было наведаться в столицу по какому-то делу – кажется, речь шла о тяжбе из-за небольшого участка земли, отошедшего Кленхейму в правление архиепископа Иоганна, – решил взять маленького Карла с собой, чтобы показать ему город.

Столько лет прошло, и многое стерлось из памяти. И все же Хоффман хорошо запомнил тот день. Это было весной, за несколько дней до Вербного воскресенья. Земля была сырой и холодной после зимы, и голые ветви деревьев царапали низкое небо. Они с отцом шли по стене Княжьего вала на юг, в сторону бастиона Гебхардта, туда, где полукругом выстроилось с полдюжины чугунных пушек и где на высоком флагштоке развевалось бело-зеленое знамя с изображением Магдебургской Девы¹⁵.

Стражники грелись возле жаровен с углями, ветер лениво трепал пестрое фазанье перо на бархатной шляпе отца.

– Смотри, Карл, – говорил Георг Хоффман, положив свою мягкую ладонь на плечо сына, – смотри и запоминай. Видишь, вон там? – и он указал рукою куда-то на север, где над крышами домов поднимались две острые каменные башни с позолоченными верхушками. –

¹⁴ Колет – мужская короткая приталенная куртка без рукавов.

¹⁵ Магдебургская Дева – символ Магдебурга.

Это церковь Святой Екатерины, твоего деда крестили в ней. А вот это – церковь Святого Иоганна, одна из самых старых в городе. Несколько раз она сгорала дотла, и каждый раз ее возводили вновь. Сам Лютер проповедовал здесь...

Они медленно шли по крепостной стене, и отец продолжал говорить. Он рассказывал о зданиях на площади Старого рынка, принадлежащих торговым и ремесленным гильдиям; о магдебургском монетном дворе, где город вот уже много лет чеканит собственную монету; о диковинных часах на башне городской ратуши, которые отмечают не только время дня, но и месяц и положение небесных светил. Он говорил об Улице Золотых Мастеров, где селятся самые богатые семейства города; говорил о страшном пожаре тысяча двести седьмого года, уничтожившем большую часть Магдебурга и старый собор¹⁶; о наводнении, случившемся двадцать лет назад и затопившем городские предместья...

Они шли, и маленький Карл Хоффман с любопытством смотрел, как внизу, за зубцами стены, вращаются черные лопасти водяных мельниц и люди суетятся на пристани, встречая прибывающие корабли.

– Что это? – спросил он, указывая пальцем на большой остров посреди течения Эльбы.

– Это? – переспросил отец. – Это остров Вердер. Здесь плотогонны выгружают и сушат бревна, которые пригоняют в Магдебург на продажу. А еще здесь селятся нищие и всякий сброд, которому не нашлось места в городских стенах. Дрянное место...

Бургомистр провел рукой по глазам. Воспоминания об отце давно уже не печалили его. И все же сейчас от них осталось какое-то неприятное, тягостное чувство, от которого немедленно хотелось избавиться, стереть, словно засохшее пятно на одежде. Или, быть может, всему виной его нынешняя усталость – усталость, вызванная долгой и тяжелой дорогой? Впрочем, ехать им оставалось уже недолго. Карета свернула в узенький переулок и минуту спустя остановилась перед домом советника фон Майера – высоким, в три этажа, зданием, со стенами, увитыми зеленым плющом, и маленьким круглым окошком под самой крышей.

На башне церкви Святого Себастьяна ударил колокол, и следом за ним – словно подхватывая этот тягучий, медленный звук, не давая ему растаять в осеннем воздухе, – радостно и звонко зазвонили большие ратушные часы.

Был полдень.

¹⁶ Собор Святых Морица и Екатерины – кафедральный собор Магдебурга, старейший готический собор Германии.

Глава 2

Увидев гостей, Готлиб фон Майер изобразил на своем морщинистом брюзгливом лице подобие улыбки, а затем предложил вместе отобедать.

– Я не ожидал вашего визита, – сказал он, усаживаясь за стол. – Должен предупредить, чтобы больше вы подобным образом не поступали. Если есть необходимость увидеть меня, то прежде следует извещать моего секретаря и уже через него договариваться о встрече.

Он пододвинул ближе суповую тарелку, а затем продолжил немного приветливее:

– Не принимайте это правило исключительно на свой счет, господа. Я вынужден так поступать, чтобы хоть немного оградить себя от просителей, желающих устраивать собственные дела в обход принятого порядка, а также от попрошаек и прочего сброда, что постоянно досаждают мне. К чему объяснять? Любая община – что Кленхейм, что Магдебург – устроена одинаково.

Фон Майер зачерпнул ложкой немного супа, сделал глоток из посеребренной пивной кружки.

– Скажите мне, Карл, как поживает ваша семья?

– Господь милостив, – ответил Хоффман. – Все хорошо.

– Я помню вашу дочь – тихая, послушная девочка. Сразу видно, дочь достойных родителей.

– Грета выросла, – улыбнулся Хоффман. – Мы с женой уже готовим ей приданое.

– Да, конечно, – рассеянно кивнул советник. – Признаться, я всегда завидовал вам, Карл. Нам с Августиной Господь так и не дал детей. Я все испробовал. Даже относил подношения в монастырь Святой Девы, хоть мы и не католики. У моего отца было трое сыновей и две дочери, а я состарился бездетным. Грета ведь ваша единственная дочь?

– Грета младшая. У нее было два брата. Они умерли от оспы, еще детьми.

Фон Майер вздохнул:

– Божье наказание, нет ничего хуже... Я помню, как в дни моей молодости здесь, в Магдебурге, началась чума. Вымирали целые улицы, сторожа не успевали оттащить и сжигать трупы. Не представляю, что станет с городом, если мор начнется сейчас... Однако довольно пустых разговоров. Зачем вы пришли ко мне?

Гости переглянулись.

– Дело вот в чем, – откашлявшись, начал Хоффман. – Вы знаете, что у нас заключено несколько контрактов на поставку свечей со здешними скупщиками. До недавнего времени все шло хорошо – настолько, насколько может идти во время войны. Но с некоторых пор они совсем перестали платить. За прошедшие несколько месяцев Кленхейм не получил от них ничего. Ни единого крейцера за десять ящиков превосходных свечей. Мы пытались решить дело миром, но...

– Довольно, – жестом остановил его советник. – Дальнейшее мне понятно. У вас есть при себе расписки?

Хойзингер достал из-за пазухи узкий кожаный футляр, в котором лежали расписки, и протянул его фон Майеру.

– Браун, Альтхофер, Шредер... – бормотал советник, просматривая один за другим бумажные листки. – Боюсь, господа, мне придется вас огорчить. В ближайшее время вы не сможете получить денег. И я даже не стану заводить об этом разговора в Совете.

– Но почему?! – возмущенно воскликнул Хойзингер. – Неужели нельзя найти управу на нечестных торговцев, которые не желают оплачивать купленный товар? Мы ведь не просим ничего невозможного!

– Сделать ничего нельзя, – равнодушно произнес фон Майер.

– Поймите, Готлиб, – вмешался Хоффман, – Кленхейм всегда исправно платил Магдебургу все подати. С начала войны дела в городе идут неважно, однако мы никогда не жаловались и не просили поблажек. Но сейчас нас оставляют без гроша в кармане!

Фон Майер посмотрел на него с плохо скрываемым раздражением.

– Вы говорите, в Кленхейме дела идут неважно? Так я вам отвечу, что в Магдебурге они идут еще хуже. Поступления, что раньше наполняли нашу казну, сократились в несколько раз. При этом мы все больше и больше должны тратить на содержание гарнизона, на закупку оружия и пороха, на строительство укреплений. Я уже не говорю о контрибуции в сто пятьдесят тысяч талеров, которую в прошлом году нам пришлось выплатить Валленштайну.

– При чем здесь Кленхейм? – зло осведомился Хойзингер.

– Не перебивайте, – властным жестом остановил его фон Майер. На его безымянном пальце синей каплей блеснул сапфир. – Как я уже сказал вам, Магдебург не в состоянии оплачивать свои расходы. Из-за нехватки денег магистрату приходится брать у гильдий займы. Практически все состоятельные купцы и цеховые мастера являются теперь кредиторами города. В их число входят и Альтхофер, и Браун, и все остальные ваши скупщики. Теперь представьте, как я или кто-либо другой из советников можем потребовать от них погасить долги перед Кленхеймом? Они, разумеется, тут же потребуют, чтобы магистрат расплатился с ними по займам. А город, как я уже говорил, не в состоянии этого сделать. – Он искривил рот в невеселой усмешке. – Выбор у вас невелик, господа: ждать. Ждать и надеяться, что дела в Магдебурге пойдут на поправку – и тогда я первый потребую, чтобы все ваши счета были оплачены. Но до того времени изменить ничего нельзя.

– Мы же не просим ничего у Магдебурга, – сказал Хоффман, – нам нужно только, чтобы с нами рассчитались скупщики. Если это необходимо, мы готовы принять оплату оружием или зерном. Нас связывает давняя дружба, и я надеюсь...

– Я ценю нашу дружбу так же, как и вы, – перебил фон Майер. – Но сделать и вправду ничего нельзя. Ни жалоба наместнику, ни мое ходатайство не смогут этого изменить. Вы говорите, Кленхейм может принять оплату зерном? Стоит мне заикнуться об этом в Совете, я немедленно лишусь своего места. В преддверии новой войны – а в том, что эта война вскоре начнется, никто теперь не сомневается – магистрат не может позволить себе сокращать городские запасы.

Он пожевал тонкими бесцветными губами.

– Вам следует понять, господа: Магдебург сейчас точно разорившийся богач – бархат на воротнике, отруби в желудке. Магистрат и городской суд завалены жалобами о взыскании долгов, торговля расшатана, земли вокруг города не возделываются должным образом, крестьяне бегут, опасаясь солдат. С каждым годом война отгрызает от нас все новые и новые куски. И дело не только в этом. Мои позиции в городе слабы, как никогда. Большинство в Совете принадлежит теперь сторонникам Христиана Вильгельма, чьим приверженцем я никогда не был. И потому любая – хоть самая малая – оплошность с моей стороны может очень дорого мне обойтись. Вы, должно быть, уже слышали, что моему брату пришлось покинуть наш город. Я не хочу следовать его примеру.

Фон Майер помолчал, рассеянно смял салфетку в руке.

– Увы, многие члены Совета утратили теперь свое здравомыслие, с ними тяжело находить общий язык. Штайнбек и Вестфаль призывают к войне на стороне шведов. Алеманн, Бауэрмейстер и Кюльвейн ратуют за то, что городу следует вступить с императором в соглашение...

– Неужели в Магдебурге остались еще люди, которым по нраву правление Фердинанда? – пробормотал Хоффман.

– Представьте себе! – дернул щекой фон Майер. – И знаете, что они говорят?! Что рано или поздно император все равно возьмет над своими противниками верх, а раз так, то следует уже сейчас выторговать выгодные условия мира. Недавно мне удалось побеседовать с господи-

ном Кюльвейном на этот счет. Он полагает, что Германии необходима сильная власть монарха, только это уберезет Империю от распада и гибели. И поэтому бессмысленно враждовать с Фердинандом, надо искать соглашения с ним. Чудовищный вздор...

Советник отодвинул от себя пустую тарелку.

– Хельга! – позвал он и настойчиво позвонил в колокольчик. – Хельга! Быстрее!

Служанка торопливо вбежала в комнату и остановилась на середине, испуганно глядя на советника.

– Принеси горячие вафли. И передай Томасу, пусть немедля придет сюда.

– Думаю, вы согласитесь со мной, Готлиб, – осторожно произнес Хоффман, – что некоторое... м-м-м... усиление центральной власти пошло бы Германии на пользу.

– Что вы имеете в виду? – изогнул бровь фон Майер.

– Германия ослаблена войной, ослаблена внутренними распрями. Идея укрепления монаршей власти могла бы стать основой для мирного соглашения между императором и князьями. Разумеется, я никоим образом не оправдываю бесчинства кайзера и его стремление уничтожить евангелистскую церковь. И все же...

Фон Майер посмотрел на него насмешливо.

– Вздор, – сказал он. – Вздор от начала до конца. Вы рассуждаете так же, как и некоторые умники при мадридском и парижском дворах, которые презрительно именуют Германию «лоскутным одеялом», ставя ей в упрек выборность кайзера и широкие права имперских сословий. Запомните, Карл: в отличие от многих иных европейских монархий, чья целостность и могущество основаны исключительно на военной силе и которые обратятся в ничто, едва только эта военная сила ослабнет, – так вот, в отличие от них Империя основана на законе, законе и традиции, складывавшейся веками. Закон – вот что объединяет всех нас! Вспомните о «Каролине», Уголовном кодексе императора Карла Пятого; об имперском матрикуле тысяча пятьсот двадцать первого года; о Золотой булле, о целом ряде иных законов и соглашений, включая Аугсбургский мирный трактат. Вспомните также о германском городском праве – магдебургском, любекском и так далее, по всей Европе принятом за образец.

В комнату неслышно вошел широкоплечий Томас. Он встал у двери, молча ожидая, пока советник обратит на него внимание. Хельга поставила на стол блюдо с дымящимися вафлями.

– Германия – это союз государств, подчинивших себя единому праву и признающих кайзера не как самодержавного властелина, вольного делать все, что ему заблагорассудится, но как защитника мира и справедливости, – продолжал фон Майер, не замечая вошедшего слуги. – Именно поэтому власть императора ограничена целым сонмом правил и установлений. Курфюрсты избирают его, и при вступлении на престол он приносит клятву – избирательную капитуляцию, как принято ее называть, – о том, что будет чтить права сословий и не будет предпринимать действий, могущих нанести им какой-либо вред. Кайзер не вправе принимать законы без одобрения рейхстага, не вправе вмешиваться во внутренние дела княжеств и городов, не вправе передавать свой трон по праву наследования. И если случится так, что он совершит в отношении кого-либо из своих подданных несправедливость, то действия его могут быть обжалованы в имперском суде¹⁷. Скажите, друг мой, в каких еще государствах Европы вы найдете подобный суд, олицетворяющий верховенство закона, неподвластный капризам монарха?! Задумайтесь, Карл. В Империи никогда не было сильной центральной власти, наподобие той, которая существует ныне в Королевстве испанском. Здесь никогда не было столицы, не было постоянного королевского домена, не было династии, которая царствовала бы дольше, чем пару веков. В Германии не было сильной центральной власти. Но разве это помешало ей достигнуть величия? Разве богатство наших земель не превосходит богатства Англии или

¹⁷ Имперский суд – высший судебный орган Священной Римской империи, учрежденный в рамках имперской реформы 1495 г.

Кастилии? Разве германские соборы и церкви уступают своим великолепием соборам Парижа и Реймса? Разве наши ремесла, торговля, земледелие и горное дело не были с давних времен образцом для всех других государств? Германия никогда не терпела над собой самодержцев, и ни один из ее правителей никогда не обладал абсолютной властью. И именно благодаря этому германские земли могли накапливать богатства, не опасаясь, что какой-нибудь коронованный идиот пустит их по ветру.

В этот момент стоявший у дверей Томас чуть слышно кашлянул, чтобы привлечь внимание советника.

– Ты уже здесь? – обратился к нему фон Майер. – Хорошо. Отправляйся к господину Гернбаху и передай ему, чтобы он немедленно явился сюда и захватил с собой бумаги, о которых мы говорили вчера. Ты все понял? Ступай.

Томас ушел. Советник рассеянно ткнул двузубой вилкой горячую вафлю и снова повернулся к гостям:

– Так вот, возвращаясь к вашим словам по поводу центральной власти. Вы не задумывались, Карл, что сильная власть монарха может принести государству куда больше вреда, нежели пользы? Присмотритесь к тому, что происходит сейчас в Испании. Тамошних королей ни у кого не повернется язык назвать бедняками, не так ли? Среди остальных государей Европы они – сущие богачи, вольные распоряжаться не только золотом Индий, но и богатствами Италии, Португалии и Нидерландов; в их карманы притекают доходы от невольничьей торговли в Африке и торговли специями из Гоа. Черт возьми, хотел бы я, чтобы кому-то из рода фон Майеров удалось окунуть в эту золотую реку хотя бы мизинец... Как же их католические величества поступают со всеми этими несметными богатствами, которых, по моему разумению, было бы достаточно, чтобы половину Европы превратить в рай на земле? Войны, бесконечные войны! Ничего больше! Война против Нидерландов, против Англии, против французского короля, наем солдат, снаряжение военных флотов, строительство крепостей, осады, сражения, и так без конца... То, что не съедает война, уходит на содержание королевского двора и подношения церкви. И всё! От несметных сокровищ не остается даже истертого медяка, и в результате Мадриду приходится брать займы у генуэзских и лиссабонских банкиров. Это ли не пример глупого, преступного расточительства? Для чего же нужна сильная королевская власть, которая только и делает, что уничтожает богатства своих подданных, а их самих заставляет гибнуть на полях бесконечных войн? Разве эта власть не губительна для страны?

Впрочем, все эти пороки, о которых я сказал только что, присущи не только правителям Испании, но и монархам любой другой земли. Видно, так уж устроен мир... Взгляните, к примеру, на нашего наместника, Христиана Вильгельма. Не прошло еще и пары месяцев с тех пор, как он возвратился из своего изгнания, а его голова уже только тем и занята, что приготовлениями к войне против католиков. Дела Магдебурга и всех окрестных земель его не интересуют. Его не интересует содержание приютов или восстановление мельниц, сожженных в прошлом году солдатами Валленштайна; его не интересует, что магистрату надо пополнять запасы зерна перед наступлением зимы и обеспечивать порядок на городских улицах. Его интересует лишь одно: как выцедить из нас побольше денег на закупку оружия и наем солдат. Что ж... Герцогам и королям во все времена не доставляло никакого удовольствия заниматься развитием ремесел и торговли, их мало волнует починка дорог или содержание школ. Дела городов интересуют их лишь постольку, поскольку те являются для них источником денег. Война и присоединение новых земель – вот в чем они видят смысл своего правления, вот те деяния, при помощи которых они желают увековечить собственные имена. Даже на портретах – вы замечали? – они предпочитают красоваться в доспехах и при оружии... Ручаюсь, что, если королям Франции или Англии удастся достигнуть той же власти, которой обладают ныне испанские Габсбурги, они втянут свои народы в череду завоевательных войн. Точно так же поступит и кайзер – или

кто-то из его потомков, – если ему удастся подчинить себе германские сословия и заставить их повиноваться собственной воле.

В комнату вошла Хельга.

– Пришел господин Гернбах, – робко произнесла она.

Фон Майер кивнул ей и поднялся из-за стола.

– Я отправляюсь во дворец, – сказал он гостям. – Вы будете меня сопровождать.

Заметив недоуменный взгляд Хоффмана, он пояснил:

– Я не могу разрешить вашего денежного затруднения, господа. Однако мне не хотелось бы, чтобы ваш приезд в Магдебург завершился ничем. Вы сможете присутствовать на заседании у наместника, Клаус проведет вас туда. Думаю, это будет для вас полезным и на многое откроет глаза. Хельга!

– Да, господин советник?

– Приготовьте камзол. И передайте Томасу, чтобы он вместе с господином Гернбахом дожидался меня в прихожей. Мы отправляемся через четверть часа.

* * *

Каким ярким и праздничным выглядел Магдебург, залитый прощальным сентябрьским солнцем! Улицы города как будто сделались уютней и чище, витражные окна в церквях вспыхивали алыми, синими и золотыми огнями, ветер шелестел в густых кронах лип. Дома, выстроившиеся по обеим сторонам Широкого тракта, сменяли друг друга, как сменяют друг друга картинки в книжке. Вот дом со свинцовой крышей и гладкими стенами, бледно-голубыми, словно рассветное небо; вслед за ним – медные купола на колокольне церкви Святого Себастьяна; трактир с затейливой угловой башенкой; углы и эркеры, витые лестницы и деревянные галереи вдоль стен, внимательно-любопытные глаза окон, позолоченные копыя решеток...

Фон Майер шел, опираясь на тяжелую трость, и идущие навстречу люди почтительно ему кланялись.

– Простите, Готлиб, но я думаю, что нам все же не следует появляться во дворец, – сказал Хоффман, когда они повернули с Широкого тракта на улицу Святого Креста. – Собрания подобного рода...

– На сей счет можете не беспокоиться, на вас никто не обратит внимания, – усмехнулся фон Майер. – Его Высочество позвал во дворец всех, кого только мог позвать, – офицеров гарнизона, гильдейских старшин, судей, пасторов и квартальных смотрителей. Для полноты картины ему еще стоило пригласить туда ночных сторожей, карманников и уличных шлюх. Все это спектакль. Христиан Вильгельм не уверен, что Совет одобрит заключение союза со Швецией. Даже его сторонники – наподобие бургомистра Браунса – сомневаются в том, что Магдебургу сейчас следует открыто выступать на стороне шведов.

– Я не совсем понимаю вас, Готлиб. Разве союз с королем Густавом еще не заключен?

– Христиан Вильгельм заключил его от своего имени, как наместник Магдебургского архиепископства. Наш город не присоединился к этому договору. И даст бог, не присоединится к нему никогда... Намерения Густава Адольфа неизвестны. Глупо думать, что он хочет заключить с нами союз только ради того, чтобы прийти городу на помощь и избавить нас от новых нападений католиков. Боюсь, что все обстоит совсем по-другому. Союз нужен ему лишь для того, чтобы Магдебург сделался его опорной базой в Германии и в случае неблагоприятного развития событий принял на себя удар императорских войск. Христиан Вильгельм видит наши сомнения. А раз так – решил позвать на заседание как можно большее число своих сторонников, чтобы лишний раз напомнить Совету, какой поддержкой он пользуется в Магдебурге. Умный ход... Люди ненавидят кайзера, ненавидят католических попов, боятся нового появления имперских солдат под нашими стенами. В церквях проклинают имя Фердинанда. Мно-

гие верят в то, что наместник наконец-то избавит нас от бедствий войны и очистит здешние земли от имперских отрядов. Даже мой собственный секретарь считает, что Христиан Вильгельм сумеет вернуть нашему городу процветание. Не правда ли, Клаус?

– В трудные времена людям необходим тот, кто может объединить их и повести за собой, – с улыбкой ответил Клаус Гернбах. – Именно так поступали римляне, избравшие себе диктатора в годы войны.

– Римляне? – переспросил фон Майер. – Магдебург – не Рим. Мы сами способны вести свои дела, не вручая полноты власти напыщенному аристократу. Напомни мне, где был Христиан Вильгельм в прошлом году, когда под нашими стенами стояла армия Валленштайна? Сидел в Стокгольме, при дворе своего венценосного покровителя. Мы не ждали от него помощи и сами сумели избавиться от присутствия императорских войск, хотя для этого и потребовалось посредничество Ганзы и выплата немаленькой контрибуции. Ты еще слишком молод, Клаус, и поэтому продолжаешь верить громким титулам и столь же громким словам. Между тем все это мишура. Удел аристократов – это интриги, война и бессмысленные развлечения вроде балов или псовой охоты. Нельзя верить в их руки свою судьбу. Его Высочество не покровитель нашего города. Он всего лишь приспешник Густава Адольфа и служит только его интересам. Что выиграет Магдебург, если тиранию кайзера мы променяем на тиранию шведского короля?

Минуту спустя они вышли на площадь Нового рынка. Площадь была открытой и светлой, словно озеро. Высокие нарядные дома окружали ее со всех сторон, в противоположном конце высилась темная громада собора. Каменный великан молча смотрел, как у его ног копошатся похожие на муравьев люди.

– Магистрат по-прежнему разрешает проводить здесь католические богослужения, – неодобрительно заметил фон Майер. – Нельзя делать католикам таких поблажек, я всегда высказывался против этого. В католических землях евангелистов жестоко преследуют, так зачем же нам идти на уступки?!

Трость фон Майера глухо стучала по камням мостовой. Хоффман протер платком взмокшее от пота лицо – он давно уже отвык от длительных пеших прогулок.

Архиепископский дворец, куда они направлялись, располагался чуть в стороне от собора. Это было красивое трехэтажное здание со свинцовой крышей и белыми стенами, чуть потемневшими от времени. Над центральной частью дворца развевались флаги с изображениями Магдебургской Девы и красного Бранденбургского орла¹⁸. Крышу венчал золотой ангел, сжимающий в тонких руках крест.

– Я до сих пор не понимаю, почему люди по-прежнему называют этот дворец архиепископским, – на ходу говорил фон Майер. – Еще в прошлом веке наши правители, Гогенцоллерны, отказались от титула архиепископа и вместо этого начали именовать себя наместниками. Ты помнишь, когда это произошло, Клаус?

– Если не ошибаюсь, – с готовностью отозвался молодой человек, – это случилось в правление отца нашего наместника, Иоахима Фридриха. Он посчитал, что титул архиепископа мало подходит принцу евангелистского вероисповедания.

– Видите, Карл, какая прекрасная память? – усмехнувшись, сказал советник, поворачиваясь к Хоффману. – Что ни говори, а секретарь мне попался весьма толковый. И раз ты такой умник, Клаус, может быть, скажешь нам, какого черта Иоахим Фридрих не переименовал свое обиталище?

– Этого я не знаю, господин советник. Но могу высказать одно предположение. Дело в том, что архиепископ Фридрих – тот, по чьему приказу дворец был построен, – при строитель-

¹⁸ Красный орел – символ Бранденбургского княжества. Правители Бранденбурга на протяжении длительного времени были архиепископами, а затем, после перехода в лютеранство, – наместниками Магдебургского архиепископства.

стве решил увековечить память всех своих тридцати восьми предшественников. Видите? – он указал рукой на фасад. – Здесь тридцать восемь ниш, и в каждой по мраморной статуе. Все архиепископы Магдебурга, от Адальберта Святого и Гизельмара до Отто Гессенского и...

– Довольно перечислять имена, Клаус, – недовольно прервал его фон Майер. – Говори по делу.

– Простите, господин советник. Я только хотел сказать, что – по моему мнению – именно из-за этих статуй дворец и сохранил свое прежнее имя. И, должно быть, сохранит его впредь.

Они уже пересекли площадь, и огромная тень собора опустилась на них, подобно дождевой туче.

– Любопытно... – покосился на молодого человека советник. – Может быть, ты и прав. Впрочем, это неважно. Мы уже пришли, господа. Скоро я вынужден буду вас оставить – перед началом заседания мне необходимо переговорить кое с кем. Следуйте за Клаусом и делайте все, что он скажет.

Глава 3

Миновав нижнюю галерею дворца, они вошли внутрь. Привратник в расшитом серебряной нитью камзоле учтиво поклонился фон Майеру, тот ответил коротким кивком.

Дальше была широкая лестница, ведущая наверх, и длинный, заполненный людьми коридор; замершие у дверей часовые и гладкие сияющие зеркала; бронзовые светильники и гербы, сменяющие друг друга на обшитых мягкой тканью стенах: Магдебургская Дева соседствовала здесь с белыми башнями Хафельберга, золотой волк Лебуса – с ключом и кинжалом Наумбурга, звезды и алый полумесяц Галле – с мерзебургским черным крестом¹⁹.

Фон Майер скрылся в одной из боковых комнат, и они потеряли его из виду.

– Пожалуйста, следуйте за мной и ни с кем не заговаривайте по дороге, – негромко произнес Клаус Гернбах. – На всякий случай, если кто-то вдруг спросит вас, запомните – вы позавчера прибыли из Гамбурга, а во дворец явились по личному распоряжению господина советника.

– Мы еще сможем поговорить с ним сегодня? – спросил на ходу Хоффман.

– Не раньше чем все закончится. Сюда, прошу вас.

Несколько минут спустя они оказались в просторной зале с тремя огромными, почти всю ширину стены, окнами и высоким сводчатым потолком.

– Зала приемов, – шепнул Хоффману секретарь. – Пожалуйста, найдите себе место на одной из задних скамей. Скоро я к вам присоединюсь.

Зала приемов могла вместить в себя по меньшей мере две сотни человек. Длинный, на резных тяжелых ногах стол – в центре, небольшие столы для секретарей и писцов – по сторонам. Стены здесь были обшиты темным полированным деревом, в дальнем конце располагался большой мраморный камин, который не топили по случаю теплой погоды. Хоффмана, который был во дворце впервые, поразила висевшая под потолком огромная люстра в форме трехмачтового парусного корабля.

Зал медленно заполнялся людьми. Здесь были чиновники магистрата с толстыми гробухами под мышкой, пасторы в строгих черных одеждах, квартальные смотрители, гарнизонные офицеры, помощники, счетоводы, писцы и многие прочие. Секретари раскладывали перед собой стопки бумаги и гусиные перья. Члены городского совета – каждого из них можно было узнать по массивной золотой цепи, висящей поверх камзола темного бархата, – занимали свои места за центральным столом.

Внезапно шум голосов стал стихать – в залу вошел человек в потертом кожаном колете и с длинной шпагой на золоченой перевязи. Он шел, ни на кого не глядя, на ходу снимая перчатки. Проходя мимо окна, отрывисто бросил:

– Раздвинуть шторы.

Несколько служителей бросились исполнять приказание. При помощи длинных шестов они раздвинули тяжелые портьеры пошире, и полутемная зала до самых уголков наполнилась мягким солнечным светом. Человек в кожаном колете прошел дальше и занял место по правую сторону стола, недалеко от кресла наместника.

– Это фон Фалькенберг, посланник короля Густава²⁰, – наклонившись к плечу Хоффмана, шепнул подошедший Гернбах. – Говорят, он несколько лет состоял гофмейстером при дворе королевы-матери... Влиятельный человек...

¹⁹ Хафельберг, Лебус, Наумбург, Галле, Мерзебург – города, в разное время входившие в состав Магдебургского архиепископства.

²⁰ Дитрих фон Фалькенберг (1580–1631) – офицер и доверенное лицо шведского короля Густава Адольфа.

В присутствии фон Фалькенберга разговоры сделались тише. Свежий ветер шевелил на столе бумаги, в колбах песочных часов пересыпались крохотные крупинки песка. Члены городского совета еле слышно переговаривались друг с другом, время от времени подзывая к себе секретарей или слуг, отдавая короткие распоряжения. Давид фон Лентке занимался чтением писем, советник Ратценхофер дремал, устало прикрыв глаза, его сосед – Готлиб фон Майер – делал пометки в маленьком, переплетенном кожей блокноте.

Прошло по меньшей мере еще четверть часа, прежде чем двустворчатые двери широко распахнулись, ударили в пол алебарды стражников и церемониймейстер торжественно объявил: «Его Высочество наместник Магдебургского архиепископства принц Христиан Вильгельм Гогенцоллерн!»

Все встали со своих мест и почтительно склонили головы.

Христиан Вильгельм, седьмой сын курфюрста Бранденбурга и регента Пруссии Иоахима Фридриха, наместник и законный правитель Магдебургского архиепископства и всех относящихся к нему городов и земель, выглядел моложе своих сорока трех лет. Изящно завитые волосы, каштановая бородка, доброжелательный взгляд. Пуговицы на его бархатном, травяного цвета камзоле были украшены небольшими рубинами, белоснежное, тонкой работы кружево легло по плечам.

– Приветствую вас, господа, приветствую, – снисходительно улыбнулся он, устраиваясь в кресле и делая остальным знак садиться. – Мы рады видеть вас всех. Вас, господин Шмидт...

Бургомистр Шмидт ответил на приветствие почтительным наклоном головы.

– ...вас, господин Браунс...

Бургомистр Браунс привстал со своего места, тронув рукой висящую на груди тяжелую золотую цепь.

– ...вас, господин Кюльвейн...

Бургомистр Кюльвейн ответил наместнику едва заметным кивком.

– ...и вас, господин Вестфаль.

Бургомистр Вестфаль улыбнулся, провел пальцами по густой седой бороде. Внимание принца льстило ему.

– Мы также рады приветствовать здесь членов магдебургского городского совета, – продолжал Его Высочество, стягивая с руки тонкую замшевую перчатку. – Городского казначея господина фон Лентке, советников Штайнбека, Бауэрмейстера, Ратценхофера, Брювитца, фон Герике²¹ и Алеманна, а также всех остальных, кто находится сейчас в этой зале. Надеемся, что наше сегодняшнее собрание пройдет с пользой.

Советника фон Майера наместник по имени не назвал и даже не посмотрел в его сторону.

В зале царил почтительная тишина. Телохранители принца в блестящих, украшенных позолотой кирасах замерли у дверей. Иоганн Сталманн, личный секретарь Христиана Вильгельма, переключивал бумаги в черной кожаной папке.

– Перейдем к делу. Всем вам известно, что мы, Христиан Вильгельм, заключили с королем Швеции Густавом Адольфом Вазой военный союз во имя совместной борьбы против войск императора и Католической лиги²². Мы заключили этот союз не ради завоеваний и нового кровопролития, а с тем лишь, чтобы восстановить в наших наследственных землях мир и порядок, беспричинно нарушенные солдатами кайзера. Такова наша цель и таковы наши истинные намерения. Недоброжелатели обвиняют нас в том, что, прибегнув к помощи Швеции, мы изменили своему долгу и нарушили законы Империи. Эти обвинения мы полностью отвергаем. Преступления, совершенные Фердинандом из рода Габсбургов, лишают его права называть себя импе-

²¹ Отто фон Герике (1602–1686) – член магдебургского городского совета, впоследствии – бургомистр Магдебурга. Выдающийся физик, инженер и философ, занимался изучением свойств вакуума.

²² Католическая лига – объединение католических княжеств Германии, созданное в 1609 г. Войска Католической лиги сыграли ключевую роль в ходе Тридцатилетней войны. По условиям Пражского мира 1635 г. Лига была распущена.

ратором немцев и освобождают его подданных от уз верности и почтения. Стремление кайзера уничтожить лютеранскую церковь делает его заклятым врагом всех истинных христиан. Его презрение к обычаям и законам не оставляет нам иного способа защиты, кроме вооруженной борьбы. И если в развязанной им войне Фердинанд прибег к помощи иностранного государя, разве это не дает такого же права и имперским князьям?

Иоганн Сталманн бесшумно подошел к наместнику и что-то прошептал ему на ухо. Христиан Вильгельм отрицательно качнул головой, и секретарь, почтительно поклонившись, возвратился на свое место.

– Союз с королем Густавом заключен. Однако Магдебург до сих пор не присоединился к нему. Мы чтим городские вольности и не намерены проводить политику, которая не находит одобрения наших подданных. Не говоря уже о том, что без поддержки Магдебурга, столицы и главной жемчужины наших владений, договор со Швецией останется не более чем пустой буквой. И посему мы, ваш князь и законный властитель, обращаемся к вам с призывом присоединиться к этому союзу и оказать ему всемерную поддержку – деньгами, оружием и людьми.

Завершив свою речь, Христиан Вильгельм откинулся на высокую спинку кресла, опустив левую руку на подлокотник.

В зале снова сделалось очень тихо. С улицы доносились крики торговцев, стук тележных колес, беспокойное гусиное гаканье. Готлиб фон Майер, вырвав из блокнота исписанную страницу, сложил ее пополам и передал советнику Брювигцу. Мартин Бауэрмейстер закашлялся и прижал к губам белый платок.

– Что скажет городской совет? – осведомился наместник, поглаживая каштановую бородку.

Четверо бургомистров, сидящих напротив него, переглянулись.

– Ваше Высочество, – после некоторой паузы произнес Мартин Браунс, – мы с большой надеждой и радостью наблюдаем за военными успехами шведского короля. Густав Адольф – правитель не только решительный, но и дальновидный, и, видит Бог, среди всех христианских государей Европы мы не сумели бы найти союзника лучше. Вместе с тем многие из нас сомневаются в том, что Магдебургу стоит открыто присоединиться к союзу с ним. Мы не понаслышке знаем, что такое императорский гнев, что такое долгая, изнуряющая осада. Вам, конечно же, известно, Ваше Высочество, какие усилия нам пришлось приложить, какое дипломатическое искусство потребовалось для того, чтобы герцог Валленштайн отвел свою армию от городских стен и прекратил разорять наши земли. Магдебург еще не оправился от ран, нанесенных ему. Сейчас он не обладает ни деньгами, ни силой, чтобы бросать вызов императору. Мы готовы оказать вам и королю Густаву любую поддержку, если это будет в наших силах. Но открытый союз между нами неизбежно приведет к новой войне. И эта война станет для города гибелью.

Браунс умолк, ожидая, что скажут другие советники.

Между бровями принца пролегла недовольная складка. Заметив это, Иоганн Вестфаль чуть подался вперед.

– Позволю себе не согласиться с моим уважаемым собратом, – начал он. – Речь идет о том, что шведский король готов предоставить Магдебургу защиту от католических армий. Защиту, которая всем нам жизненно необходима. Можем ли мы отказаться от этой помощи, будет ли это разумным шагом? Нет и еще раз нет. С самого начала войны наш город держался нейтралитета. Мы не выступали на стороне противников императора Фердинанда, не поднимали оружие против его власти. В награду за это мы получили Реституционный эдикт и солдатские грабежи. Нас вынудили – против воли – признать своим правителем принца Леопольда, который за все это время ни разу не соблаговолил посетить наш город. Нас заставили отослать в Страговский монастырь Праги мощи святого Норберта²³ – реликвию, которая принадлежала нам несколько

²³ Святой Норберт Ксантенский (1080–1134) – католический святой, основатель ордена премонстрантов. С 1126 по 1134 г.

сот лет, и принадлежала по праву, коль скоро святой Норберт был в свое время архиепископом Магдебурга и именно здесь обрел свой последний приют. Чем большую уступчивость мы проявляли, тем сильнее возрастали притязания кайзера, тем сильнее становилась его нетерпимость к нам. Увы, за последние несколько лет мы не раз имели возможность убедиться, что император – заклятый враг нашего города. Враг, мечтающий лишь о том, чтобы силой или хитростью подчинить Магдебург собственной власти, лишиться его исконных свобод, навязать католическое вероисповедание. Следует смотреть правде в глаза, господа: кайзер ненавидит наш город. Мы не сможем выстоять против него в одиночку.

Слова бургомистра были встречены одобрительным гулом. Перья секретарей скрипели по белой бумаге, холодный ветер упрямо тыкался в тяжелый бархат портьер.

– Мы произнесли уже много слов, но ни на шаг не приблизились к сути, – раздался неприязненный, дребезжащий голос Георга Кюльвейна²⁴. – Нам предлагают союз с королем Швеции. При этом мы не знаем, какую именно поддержку король готов оказать нашему городу и что он хочет получить взамен. Как можно судить о выгодах и недостатках союза, не зная намерений своего будущего союзника, не представляя себе его требований и условий?

Иоганн Сталманн выступил из-за спины наместника, подошел ближе к столу.

– Условия соглашения были направлены многоуважаемым членам городского совета еще в конце минувшей недели, – с мягким укором произнес он. – Полагаю, времени было достаточно, чтобы...

– Разумеется, каждый из нас получил бумагу из канцелярии Его Высочества, заверенную подписью господина Сталманна, – сухо перебил Кюльвейн. – Однако союз, о котором идет речь, нам предлагают заключить с королем Швеции, а вовсе не с вами, господин секретарь. Вы не несете ответственности за содержание этой бумаги, а раз так – ваша подпись под ней не имеет никакого значения. Условия союза со Швецией должен объявить представитель шведского короля – тем более что представитель этот сейчас находится с нами за одним столом.

Бургомистр Кюльвейн в упор посмотрел на сидящего напротив Дитриха фон Фалькенберга, но тот будто и не заметил его взгляда. Давид фон Лентке что-то шепнул на ухо своему соседу, советнику Штайнбеку. Бургомистр Браунс, морщась, пытался ослабить накрахмаленный воротник, давящий жирную шею.

– Полагаю, вы закончили, господин Кюльвейн? – холодно поинтересовался наместник, постукивая кончиками пальцев по крышке стола. – Прекрасно. Нам очень жаль, господа, что не все из вас должным образом подготовились к сегодняшнему собранию. Впрочем, эту помеху легко устранить. Мы имеем честь представить вам Дитриха фон Фалькенберга – личного посланника Густава Адольфа в землях Империи, уполномоченного вести с германскими чинами переговоры от имени короля и имеющего при себе необходимые верительные грамоты. Полагаю, господин Фалькенберг сумеет ответить на все вопросы. Мы ждем вашего слова, Дитрих.

Фалькенберг поднялся со своего места, шумно прочистил горло.

– Благодарю, Ваше Высочество, – сказал он. – Господа, я не люблю длинных вступлений, а потому перейду сразу к делу. Я прибыл в ваш город по поручению Густава Адольфа Вазы, властителя Швеции, Готов и Вендов, с тем чтобы предложить Магдебургу военный союз. Условия таковы: Его Величество во всеуслышание объявляет себя защитником Магдебурга и гарантом его исконной свободы, в подтверждение чего направляет на усиление городского гарнизона три тысячи солдат и дюжину пушек. Кроме того, король Густав торжественно обещает, что не будет подписывать с императором и князьями Католической лиги мирного соглашения без

был архиепископом Магдебурга.

²⁴ Георг Кюльвейн (1590–1656) – бургомистр Магдебурга, один из лидеров проимперской партии в магдебургском городском совете.

ведома и согласия магдебургского городского совета. Если же Магдебург подвергнется нападению императорских войск, Его Величество обязуется предпринять все возможное, чтобы отразить вражескую атаку.

– Что же король Густав желает получить взамен? – поинтересовался советник Алеманн²⁵.

– Взамен? Первое: город должен предоставить отрядам Его Величества право свободного прохода через свои земли. Второе: разрешить королевским вербовщикам наем солдат и закупку припасов в пределах Магдебурга и на расстоянии одной мили от его крепостных стен. Третье: передать командование городским гарнизоном уполномоченному шведскому офицеру. Кроме того, город должен будет взять на себя обязательство не вступать в переговоры с кем-либо из представителей императора Фердинанда или князей Католической лиги, не известив об этом двор Его Величества.

– Правильно ли я вас понял, господин Фалькенберг, – глухим, простуженным голосом произнес советник Бауэрмейстер, – что король Густав разместит в наших стенах три тысячи своих солдат, которые не будут подчиняться городскому совету?

– Таковы условия короля.

– Весьма интересные условия, – заметил советник Алеманн. – Здесь есть над чем призадуматься, господа. Из уст нашего досточтимого собрата, бургомистра Вестфалия, мы только что слышали, что император угрожает нашей свободе и что в одиночку, без чужой помощи, Магдебург не сумеет себя защитить. Кто-то, возможно, согласится с этим утверждением, а кто-то выскажет слово против. Важно другое. Вступая в союз со Швецией, мы вверяем иностранному государю управление собственным гарнизоном и открываем для его армии крепостные ворота. Здесь, в стенах Магдебурга, будет находиться несколько тысяч вооруженных людей, не подчиненных нам и получающих приказы извне. Это ли не истинная угроза нашей свободе?

Фалькенберг чуть наклонился вперед, опершись кулаками о поверхность стола.

– Я не понимаю вашего удивления, господин советник. Даже такому прославленному полководцу, как Густав Адольф, не удастся защитить Магдебург лишь силой своего имени.

– Бесспорно, – качнул седеющей головой Алеманн. – Однако я говорю не об этом. Магдебургская Дева пустит в свои покои северного льва. Но кто поручится, что через какое-то время этот лев не сожрет с потрохами ее саму?

В зале поднялся шум, люди на скамьях начали оживленно переговариваться между собой, уже не стесняясь присутствия наместника и членов Совета. Христиан Вильгельм хмурился все сильнее.

– Ваши слова оскорбительны, советник, – ледяным тоном произнес фон Фалькенберг. – Его Величество протягивает городу руку помощи. Вы же отвечаете на этот рыцарский жест нелепыми и грязными обвинениями.

– Рука в латной перчатке – это еще не рыцарский жест, – возразил Алеманн. – Дипломатия строится на выгоде и расчете, тогда как громкими словами во все времена было принято прикрывать нечестные сделки.

Фалькенберг чуть прищурил глаза, намереваясь ответить советнику, однако вмешался Христиан Вильгельм.

– Оставьте свою перепалку, господа, – резко произнес он. – Мы собрались не для этого. Господин Алеманн, вы принадлежите к весьма уважаемому семейству и избраны в городской совет. Однако не следует забывать, что господин фон Фалькенберг представляет здесь одного из первых государей Европы. Это обязывает нас относиться к нему с должным почтением и тщательно взвешивать те слова, которые мы намереваемся произнести.

– Вы, безусловно, правы, Ваше Высочество, – пряча под усами улыбку, ответил советник.

²⁵ Иоганн Алеманн – один из лидеров проимперской партии в магдебургском городском совете.

– Что же касается вас, Дитрих, – наместник перевел взгляд на фон Фалькенберга, – то мы благодарим вас за те сведения, которые вы нам сообщили. Скажите, как скоро король Швеции сможет прислать солдат для укрепления городского гарнизона?

Фалькенберг поправил рукой жесткую перевязь на груди.

– Дороги между Магдебургом и лагерем Его Величества еще не свободны от католических войск. Это осложняет дело. Я полагаю, что королевские солдаты придут в Магдебург не позднее Дня святого Луки. При условии, разумеется, – угол его рта презрительно дернулся, – что городской совет благоволит открыть перед ними ворота.

Христиан Вильгельм удовлетворенно качнул головой:

– Благодарим вас, Дитрих.

Посланник сел на свое место, лязгнув длинными стальными ножами по каменным плитам пола.

– Ваше Высочество, – осторожно произнес Георг Шмидт, до той поры не принимавший участия в разговоре, – думаю, я не погрешу против истины, если скажу, что большинство жителей нашего города являются сторонниками союза со Швецией. Король Густав – наш единоверец. У нас нет никаких причин сомневаться в искренности и благородстве его намерений. Однако до сих пор ни одно из княжеств Империи не заключило со шведами договора. Ни Гессен, ни Вюртемберг, ни Саксония, ни кто-либо еще. Даже Георг Вильгельм, бранденбургский курфюрст, который вам, Ваше Высочество, приходится родным племянником, отказывается пропускать армию короля через свои земли и закрывает перед ним ворота собственных крепостей. Буду откровенен, Ваше Высочество: подобная нерешительность весьма удручает всех нас. Если даже самые могущественные протестантские государства Империи, с их многотысячными армиями и богатой казной, не решаются выступить на стороне Швеции, что же тогда может сделать наш город? Мы, безо всяких сомнений, присоединились бы к союзу с королем Густавом, если бы были уверены, что союз этот прочен и не рассыплется под первым же ударом кайзерских войск. Беда в том, что император слишком силен. В его распоряжении золото католических епископов, его поддерживают Испания и княжества Лиги, его войска держат под надзором дороги и переправы. Что может противопоставить этому король Густав? У него нет крепостей, нет сильных союзников, нет денег, чтобы платить жалованье солдатам на протяжении долгой военной кампании. Его армия, насколько мне известно, насчитывает не больше тридцати тысяч солдат, тогда как император и Лига могут выставить против него армию в сто тысяч. Все это заставляет нас опасаться, что военная экспедиция Его Величества закончится так же плачевно, как и пятилетней давности поход датского короля. Для шведов, разумеется, поражение не станет катастрофой. Чтобы скрыться от войск императора, им довольно будет погрузиться на корабли и отплыть обратно в Стокгольм. Но какая судьба будет уготована Магдебургу? Вся тяжесть монаршего гнева обрушится на нас, и нам уже не придется рассчитывать на снисхождение.

В зале снова установилась полная тишина. Ветер, упрямо рвавшийся в залу сквозь полуоткрытые окна, наконец утих, воздух сделался немного теплее. Солнечные лучи пролегли по каменным квадратам пола широкими золотыми полосами, и было видно, как в этих потоках прозрачного света крохотными крупинками вьется невесомая пыль.

Христиан Вильгельм скрестил руки на груди.

– Господа, мы выслушали вас, – мягко и спокойно начал он, обводя собравшихся взглядом. – Теперь вы должны выслушать то, что мы намереваемся вам сказать. Бесспорно, война сулит Магдебургу многие лишения и опасности. Но сейчас мы призываем вас прислушаться к голосу разума. Война подошла к своей переломной точке. Успехи католической партии, мощь императора и его союзников – все это достигло своего предела. Предела, который невозможно перешагнуть. Власть кайзера выглядит незыблемой, однако она покоится на гнилой и шаткой основе. Достаточно одного лишь удара – не самого сильного к тому же, – чтобы эта основа обра-

тилась в прах. Десять лет назад, в самом начале войны, позиции Фердинанда были куда прочнее. Испания двинула ему на помощь армию генерала Спинолы²⁶, двадцать пять тысяч отборных солдат. Франция, где в то время заправляла Мария Медичи и ее подкупленные испанским золотом фавориты, не желала ни во что вмешиваться и на любые действия кайзера взирала более чем благосклонно. Англия и иные протестантские государства Европы также держались от германских событий в стороне. И самое главное, большинство имперских княжеств и городов воспринимали действия императора как должное. Поход католических войск против Богемии и Фридриха Пфальцского выглядел в их глазах всего лишь подавлением незаконного мятежа. Даже курфюрст Саксонский – лютеранин по исповеданию! – выступил в тот момент на стороне кайзера, ударив в спину восставшим чехам и получив за это в награду Лузатию. Поддержка Испании и саксонцев, молчаливое одобрение имперских сословий, равнодушие Франции и протестантских держав – вот то, что помогло кайзеру и Католической лиге достигнуть успеха. Сейчас все перевернулось. Испания увязла в войне с Нидерландами и больше не может оказывать кайзеру военную помощь. Король Людовик Французский и его министр, герцог де Ришельё, решительно выступают против усиления Австрийского дома. Альбрехт Валленштайн, имперский главнокомандующий, отправлен в отставку, а созданная им армия распадается и гниет из-за неумелого управления и отсутствия сильного командира. Силы католиков уполовинены. Король Густав тем временем набирает силу. За его спиной армия, прошедшая через десятки сражений. За его спиной – слава полководца, одержавшего победы против поляков и московитов. За его спиной – деньги и поддержка французского короля.

Христиан Вильгельм поднялся из-за стола. Рубиновые пуговицы на его камзоле на миг вспыхнули алыми огоньками.

– С каждым днем король Густав набирает силу, тогда как кайзер – теряет ее. Поддержку имперских сословий он полностью утратил. Несколько лет назад многие еще могли надеяться на его благородство, могли верить в то, что он стремится восстановить в землях Империи порядок и справедливость. Но сейчас – после принятия Реституционного эдикта, после походов и грабежей его войск, после целого ряда незаконных деяний, которые он совершил, – никто больше не верит ему. Не суверен, но наглый захватчик; не хранитель закона, но клятвопреступник; не защитник мира, но злейший из возможных врагов – таков теперь Фердинанд. Здание кайзерской власти отныне разрушено.

Унизанная перстнями рука наместника очертила в воздухе полукруг.

– Сколь ни печально, но мы должны признать, господа: упреки, высказанные вами в адрес протестантских князей Империи, вполне справедливы. С самого начала войны протестантская партия делала одну ошибку за другой. Одни из нас – наподобие герцога Христиана Брауншвейгского или богемских дворян – повели себя крайне опрометчиво, раньше времени вступив с императором в вооруженную борьбу, не думая о возможных последствиях, не имея достаточной военной силы, не озаботившись приобретением союзников. Другие – наподобие моего племянника, нынешнего курфюрста Бранденбурга, – равнодушно смотрели, как Тилли и Валленштайн одного за другим сокрушают протестантских князей, и даже не думали о том, чтобы прийти им на выручку. Видно, надеялись, что гроза обойдет их собственные владения стороной... Нападать, не имея сил, бездействовать в час, когда решается судьба твоих единоверцев, – такова была политика в стане протестантов с самого начала войны. Лютеране не желали поддерживать реформатов. Немцы не хотели вступить за чехов. Саксонцы – за баденцев. Баденцы – за мекленбургцев. Никакого единства, никакой взаимовыручки! В Берлине и Дрездене не произнесли ни слова, когда Фердинанд – в нарушение всех законов Империи – отобрал у Фридриха Пфальцского звание курфюрста и передал его Максимилиану Баварскому. Потрясающее слаболие! А ведь передача шапки курфюрста баварскому герцогу в первую очередь означала

²⁶ Амброзио Спинола (1569–1630) – испанский полководец из гемуэзского рода Спинола.

публичное унижение протестантов, утрату их влияния на дела Империи. Если прежде в коллегии курфюрстов²⁷ четверым голосам католиков противостояло три протестантских, то теперь, когда место Пфальца заняла Бавария, католики получили абсолютное большинство. Саксонии и Бранденбургу, равно как и всем остальным имперским князьям, следовало бы протестовать, выразить свой гнев, свое негодование, и тогда, уверяю вас, император пошел бы на попятный и решение свое отменил. Но они не сделали этого! Не сделали и продемонстрировали тем самым свою слабость. Глупая политика и малодушие – вот в чем причина прежних поражений протестантской партии. Уверяю вас, если бы с самого начала мы смогли объединиться и выступить против императора и войск Лиги сообща, то война завершилась бы меньше чем за один год.

Христиан Вильгельм подошел к стоящему в углу большому глобусу на резной деревянной подставке, рассеянно тронул лакированную поверхность. Страны и континенты пришли в движение, перемещаясь из света в тень, появляясь и медленно исчезая.

– Сейчас, впервые за двенадцать лет, у всех нас появилась возможность раз и навсегда избавиться от притеснений кайзера, вернуть себе то, что было у нас отнято. Впервые за двенадцать лет появился человек, вокруг которого могут объединиться все протестанты Германии. И если сейчас мы не сумеем преодолеть собственный страх, второй подобной возможности уже не будет. Фердинанд не остановится до тех пор, пока не сокрушит Эльбский город и не превратит его обитателей в своих покорных рабов. Так неужели Магдебург намерен отказаться от свободы и собственной веры? Неужели он готов пресмыкаться перед чиновниками кайзера и иезуитами, посланными католическим Римом?! Магдебург – не просто богатый город. Это защитник истинного евангельского вероучения, «Канцелярия Господа Бога», как называют его повсюду. Все это придает ему немалый вес и влияние на дела Империи. Присоединившись к союзу с королем Швеции, Магдебург воодушевит тех, кто до сих пор страшился императорского гнева, придаст им сил и уверенности в своей правоте, а раз так, умножит число защитников истинной веры и сделает неминуемой их победу.

Его Высочество заложил правую руку за спину, левая его рука опустилась на золоченый эфес шпаги.

– Наш род, древний и славный род Гогенцоллернов, правит Магдебургским архиепископством уже более ста лет. Мы признали и утвердили в своих владениях евангелистскую церковь и с тех пор стали именоваться не архиепископами, как это принято у католиков, а наместниками. Мы не вводили несправедливых налогов, не назначали чиновников и судей в обход городского совета, не чинили препятствий хлебной торговле и судоходству. Мы всегда заботились о благе Магдебурга и чтили его права, стремились защитить город и обеспечить его процветание – настолько, насколько это было в наших силах. В прежние годы между нами было немало разногласий – но сейчас не время вспоминать о них. Сейчас город и его суверен должны объединиться: вместе противостоять общему врагу, сражаться бок о бок. Всем вам известно, что мы приказали печатать воззвания, призывающие германские княжества и города восстать на борьбу против кайзера. Мы пошли на этот шаг потому, что уверены: слово – сильнее меча, и стократ сильнее слово, защищающее свет евангельской истины. Слово Магдебурга, подкрепленное полководческим даром шведского короля, – вот то, что сможет сплотить протестантов Германии. Пусть сейчас многие из них колеблются и боятся открыто выступить против Фердинанда, страшась его мести. Пройдет совсем немного времени, и они убедятся, сколь мощную силу представляет собой шведская армия, и тогда – помнящие обо всех унижениях, которые им пришлось перенести по вине кайзера, не испытывающие по отношению к Фердинанду Габсбургу ничего, кроме ненависти, – они выйдут на поле боя и потребуют от императора восстановления своих нарушенных прав.

²⁷ Коллегия курфюрстов – коллегия семи имперских князей, избиравшая императора.

Сделав еще несколько шагов по залу, Христиан Вильгельм снова опустился в свое высокое кресло.

– Господа, мы понимаем ваши сомнения, – мягко произнес он. – Нам известно, насколько жители Магдебурга привержены своим мирным занятиям, насколько ненавистно им любое кровопролитие. Однако город больше не сможет держаться от войны в стороне.

По знаку Его Высочества Иоганн Сталманн с двумя помощниками разложили на столе карту земель архиепископства.

– Прошу взглянуть, господа. Сейчас имперские отряды заняли наши владения почти целиком. К югу от Магдебурга и по течению Эльбы ими захвачены все поселения и крепости. В стенах Галле стоит гарнизон в четыреста солдат. В Эгельне и Шёнебеке – около двухсот мушкетеров и эскадрон кирасир, примерно столько же – в замках Кальбе и Ротштайн. Католики находятся совсем близко от Магдебурга, меньше чем в полудне пути. В любой момент город может подвергнуться новому нападению и даже не сумеет заблаговременно узнать о приближении неприятельских войск. Именно поэтому мы больше не можем позволить себе бездействия. До наступления зимы мы намерены захватить все укрепленные пункты, прикрывающие подступы к городу. – Палец Его Высочества коснулся карты. – Мы ударим здесь. Неприятельские отряды сейчас разрознены, у них нет единого командира. Не составит большого труда разгромить их поодиночке, собрав все силы в кулак, захватив их запасы оружия и пороховые склады. Если судьба будет к нам благосклонна, мы сумеем продвинуться дальше на юг, отбить у неприятеля Галле и разместить там свой гарнизон. Южное направление мы перекроем, и Магдебургу больше не придется опасаться внезапной атаки. Разумеется, – наместник повел в воздухе рукой, – кайзерские генералы пожелают нанести нам ответный удар. Однако они не успеют этого сделать. С наступлением зимы им придется разместить свои войска на зимних квартирах и ждать, пока не растает снег и дороги не станут проезжими. К тому времени мы сможем должным образом подготовиться к обороне. Кроме того, весной к нашим землям уже подойдут войска шведского короля. Они сумеют оказать нам необходимую поддержку в борьбе против имперских отрядов.

Карта исчезла со стола так же быстро, как и появилась.

– Итак, господа, – произнес наместник, – мы ждем вашего решения. В ваших руках – судьба города и его жителей, судьба истинной германской церкви. Ваша мудрость, ваша решимость и проницательность нужны теперь всем, кто противостоит деспотизму кайзерской власти. Прошу вас, не забывайте об этом.

* * *

По завершении пространной речи Его Высочества, сидящие за столом четверо бургомистров и двадцать членов городского совета сдержанно и с достоинством склонили головы – в знак того, что принимают на себя бремя принятия непростого решения, – и принялись совещаться между собой, записывая что-то на лежащих перед ними листках бумаги. Христиан Вильгельм сидел, подперев рукой подбородок, рассеянно постукивая пальцами по крышке стола. Фон Фалькенберг пригладил коротко подстриженные седые усы.

«Он заставляет их совещаться прямо здесь, на месте, не дает им уйти, чтобы спокойно все обсудить, – подумал про себя Хоффман. – Фон Майер прав – это всего лишь спектакль. Наместник не оставил им выбора».

Несколько минут спустя Мартин Браунс поднялся со своего места и, откашлявшись, торжественно произнес:

– Ваше Высочество, обсудив между собой все то, что было нами сегодня услышано, мы пришли к окончательному решению, которое я, один из четверых бургомистров нашего города, уполномочен сейчас объявить. Это решение не было единогласным, однако большинство из

нас высказались за его принятие. Решение таково: Магдебург присоединяется к союзу с королем Швеции. Единственное встречное условие, которые мы выдвигаем и без выполнения которого союз невозможен: шведские солдаты и офицеры, будучи в пределах наших стен, должны подчиняться не только приказам короля, но и приказам городского совета. Во всем остальном мы принимаем те условия, которые были объявлены представителем короля Густава Адольфа, господином фон Фалькенбергом.

Христиан Вильгельм удовлетворенно качнул головой:

– Мы не ожидали от вас иного, господа. Что касается встречного условия, о котором вы упомянули – и которое мы сами находим вполне разумным, – то я уверен, что у господина фон Фалькенберга не найдется никаких возражений на этот счет.

В ответ на вопросительный взгляд принца фон Фалькенберг коротко кивнул.

– Прекрасно, – заключил Христиан Вильгельм. – В таком случае господин Сталманн подготовит все необходимые бумаги, а господин Фалькенберг немедля отправит гонца ко двору Его Величества, чтобы известить его о радостном событии, произошедшем сегодня.

Поправив рукой кружевной воротник, наместник поднялся со своего места:

– Мы благодарим вас всех, господа. Увы, неотложные дела заставляют нас покинуть сегодняшнее собрание. Мы напоминаем вам о необходимости как можно скорее собрать все причитающиеся подати и платежи в городскую казну, а также пополнить запасы продовольствия и пороха. В преддверии грядущей борьбы против кайзерских войск все это будет крайне необходимым для нас. Да хранит нас Господь.

Сделав знак Фалькенбергу и Сталманну следовать за собой, Христиан Вильгельм покинул залу.

Собрание во дворце завершилось.

Глава 4

Когда Хоффман и Хойзингер возвратились в Кленхейм, был уже поздний вечер. Над верхушками деревьев еще виднелась светло-голубая полоса неба – она казалась печальной и бледной, как лицо больного, – но и эта полоса неумолимо таяла в густых шерстяных сумерках. Ночь выдавливала день, прижимала к земле, оттесняла за горизонт, втискивая его туда, словно платье, которое пытаются запихнуть в и без того переполненный и не желающий закрываться сундук.

Таяли и сливались с темнотой очертания крыш, высокий силуэт колокольни, молчаливые кроны деревьев. У берегов ручья медленно натекал туман. Где-то на дальнем дворе залаяла вдруг собака. Уставший, засыпающий город...

Дозорные у южных ворот приветствовали карету, вразнойбой крикнув что-то вроде: «Доброго вечера господам советникам», «С возвращением, господин бургомистр» или же просто: «С возвращением». Один из стражников – Ганс Келлер, цеховой подмастерье, – помахал рукой сидящему на козлах Петеру, приглашая его сразу, как только он освободится, приходить к ним и выпить пива. Петер в ответ лишь неопределенно пожал плечами, и карета проехала дальше.

У ратуши остановились. Бургомистр и казначей вышли из кареты и отправились по своим домам, коротко кивнув Петеру на прощание. Возница учтиво поклонился каждому, приложив руку к груди, а потом некоторое время смотрел, как они расходятся в разные стороны.

Часы на ратушной башне пробили шесть раз.

Петер спрыгнул с козел и широко потянулся, чтобы размять затекшую спину. А затем взял лошадь под уздцы и повел ее с площади прочь.

Весной ему исполнилось девятнадцать лет, и он был старшим сыном в семье. Отец его когда-то был плотником и имел неплохой заработок, но потом спился и забросил плотницкое дело, так что Петеру пришлось содержать мать и сестер одному.

Нельзя сказать, что они были нищими. У них был маленький дом с огородом, корова и две козы и свой кусок земли на общинном поле. От лучших времен оставалась еще не слишком заношенная одежда, в которой было не стыдно показываться на людях, а кроме того, посуда, инструменты и все прочие необходимые в хозяйстве вещи. Были у них и сундуки – грубые, без украшений, зато крепкие и вместительные, а также стол, и кровати, и стулья, сделанные руками отца.

Но этого скромного достатка было мало для поддержания жизни семьи – требовалась работа, требовались деньги. В других семействах сын получал от отца мастерскую и знание дела и мог не тревожиться о своем будущем. Но Андреас Штальбе не оставил своему сыну ничего: ремеслу не научил, а мастерскую продал соседу, Вернеру Штайну. И поэтому, чтобы хоть как-то прокормить семью, Петеру приходилось браться за любую работу – копать землю, перетаскивать на мельнице мешки с мукой, рубить дрова и тому подобное. Труд этот был грубым, не требовал ничего, кроме мускульной силы, и потому ценился невысоко. Но беда была не в этом, а в том, что даже такая работа подворачивалась нечасто. А если и подворачивалась, то не всегда доставалась Петеру – люди не хотели связываться с сыном пропойцы. Вот и выходило, что в иные месяцы Петер приносил домой горсть медных монет, а в иные – только крошки в карманах.

Но Петер не сетовал на судьбу. Парень он был выносливый, работы не боялся и ни от чего не отказывался. Надо идти в дождь – шел в дождь, в метель – значит, в метель, в праздник – что ж, значит, и в праздник тоже. Была лишь одна работа, которую он никогда не брал: копать могилы на церковном кладбище. Мертвецы – неважно, кто они были и какой смертью умерли, – вызывали у него дикий, непреодолимый страх. Во время похорон он всегда смотрел вниз, боясь

поднять глаза на лежащего в гробу покойника. Даже когда хоронили его собственного отца, юноша ни разу не осмелился взглянуть на него.

Со временем люди стали относиться к Петеру лучше. Работал он хорошо и денег никогда сам не просил – брал столько, сколько дадут. Некоторые этим пользовались и платили ему вполтину меньше того, что стоила работа. Другие, напротив, жалели и иногда добавляли немного сверху: почему бы и не приплатить, если парень старается. Даже цеховые мастера, встретив его на улице, отвечали теперь на его приветствия коротким кивком, а не проходили мимо с равнодушными лицами, как это бывало прежде.

Когда освободилось место городского конюха – прежний конюх, Ганс Брауле, оставил работу из-за того, что магистрат сократил ему жалованье, – Петер сразу пошел к бургомистру. Так его научила мать.

– У господина бургомистра доброе сердце, – сказала она. – Он не откажет и даст тебе место, можешь не сомневаться.

Так и вышло. Петер сделался городским конюхом. Особой выгоды в этом, конечно, не было: платили за работу мало – пять талеров серебром в год. Вдобавок работа отнимала много времени, ведь помимо ухода за лошадьми Петеру следовало еще и возить господ советников, если те по каким-либо делам отправлялись куда-то из Кленхейма. И все же Петер имел теперь постоянный заработок.

Его мать, Мария Штальбе, была счастлива. Она и раньше радовалась каждому медяку, который приносил домой Петер. Но теперь – теперь ее сын сделался работником при Кленхеймском магистрате, которому дают поручения не абы кто, а бургомистр и казначей, первые люди города. «Кто знает, кто знает, – восторженно думала она, – сейчас, когда Петер все время у них на виду, они наконец сумеют оценить его честность и его усердие и со временем наверняка дадут ему работу получше и жалованья прибавят. Петер, конечно, неграмотный и ума не очень большого – ну так в городе и без него умников хватает, а преданного, надежного человека надо еще поискать».

– Попомните мое слово, – говорила она дочерям, – ваш брат еще распрямится в полный рост и встанет повыше других. Господь долго испытывал нас. И бедность, и беспутство вашего отца – все это были испытания, которые Он посылал, чтобы убедиться в нашей добродетели, в нашем упорстве, в чистоте наших сердец. И вот теперь, когда мы столько терпели, Он посылает нам свое благословение. Петер вернет уважение нашему дому. И невеста у него будет из хорошей семьи – я позабочусь об этом. Запомните мои слова, бестолковки, и молитесь, молитесь за своего брата. Молитесь так, как молюсь за него я.

* * *

Покончив с делами в конюшне, Петер устало побрел к дому Хойзингеров. На улице было уже темно, люди сидели по домам, и только сквозь стекла окон на улицу ложились полосы теплого желтого света. Тусклые, еще не засиявшие во всю силу звезды проглядывали сквозь облака. На сторожевой башне у восточных ворот горели факелы. Часового на башне не было видно, но он определенно был там – даже отсюда Петер мог слышать его хриплый кашель.

«Наверняка это Гюнтер, – рассеянно подумал про себя юноша, – он ведь простудился недавно».

Вечер был теплым, и Петер не спешил. От конюшни до дома казначея было всего несколько минут ходу: мимо церковного кладбища, через Малую площадь, затем пройти по улице, где живут свечные мастера, и повернуть влево. Эта дорога была самой короткой. Но Петер отправился кружным путем. Хотя он был голоден и очень устал, домой ему не хотелось. Что дома? Скучный ужин, тесная комната в мансарде, коптящая сальная свеча, жесткая кровать с полуистлевшей простыней. Мать наверняка накинется с расспросами, да и сестры будут

крутиться возле него, изнывая от любопытства – сами-то они никогда не были в Магдебурге. К тому же вечер казался до того уютным и мягким, что он захотел пробыть на улице подольше.

Петер шел, засунув руки в карманы, разглядывая темные силуэты домов вокруг. Было тихо. В общинном саду шелестели фруктовые деревья, в лесу монотонно вскрикивала ночная птица. Время от времени до его слуха доносились звуки чужих голосов, смех или кошачье мяуканье, или же неподалеку вдруг хлопала дверь и под чьими-то тяжелыми шагами скрипели ступени.

Он прошел мимо Южных ворот, мимо старого дровяного сарая, который в прежние времена принадлежал одному из цеховых мастеров, а сейчас стоял заброшенным. Прошел мимо дома Фридриха Эшера – его можно было узнать и в темноте по причудливой линии крыши, которая совсем не походила на крыши других кленхеймских домов, – и уже очень скоро оказался на нужной улице.

В доме Хойзингеров горел свет – несколько свечей в маленькой железной люстре, подвешенной к потолку, – и с улицы было хорошо видно, что происходит внутри. Казначей, в бархатном жилете и рубашке с закатанными почти до локтей рукавами, подкладывал поленья в камин. Его жена накрывала на стол.

Ее звали Вера, и Петеру почему-то очень не нравилось это имя. Она была родом из Магдебурга, из семьи резчика, и стала женой казначея всего четыре года назад. В Кленхейме шептались, что дела у ее отца идут неважно, – иначе с какой стати тот стал бы выдавать красавицу дочь за немолодого, не очень состоятельного человека из крохотного городка, само название которого было почти неизвестно.

У Веры Хойзингер были густые темные волосы и скользкий, ни на чем не задерживающийся взгляд. Она редко смеялась и редко появлялась на улице без мужа. С любым человеком, с которым ей приходилось сталкиваться – неважно, какое положение он занимал в городе и как к нему относились другие, – она держалась хоть и отстраненно, но доброжелательно. Даже Гансу Лангеману, которого все в городе презирали за пьянство и лень, Вера улыбалась и приветливо кивала при встрече. Многие считали это проявлением пустого благодушия, беззаботности человека, не знающего жизни. Но Петер был уверен, что это не так. «У нее светлая, незлобивая душа, – рассуждал он про себя, – так чего удивляться, что она добра к людям и не запоминает обид?»

Сквозь освещенный оконный проем Петер увидел, как Хойзингер подошел к жене и, положив ей на плечо руку, что-то зашептал на ухо. Его рыжие усы касались ее белой шеи, а она улыбалась, чуть повернув к нему свое маленькое лицо.

Тяжело вздохнув, Петер отошел от окна.

Когда он постучал в дверь, ему пришлось подождать несколько минут, прежде чем ему наконец открыли. Это был Хойзингер.

– Почему так поздно? – сварливо осведомился он. – Я уже собирался ложиться спать.

– Простите, господин казначей, – стаскивая с головы шапку, пробормотал Петер. – Я...

– Ты все сделал, как приказано? Или опять что-то забыл? Учти, Петер, магистрату не нужны лентяи. Или ты думаешь, что раз тебе платят из городской казны, то и работу проверять не будут? Если так, то ты ошибаешься. Завтра же утром я пойду в конюшню и посмотрю, как ты все сделал. Еще не хватало, чтобы по твоей вине у нас передохли лошади.

Петер стоял, ссутулившись и опустив взгляд. Казначей с недовольным видом протянул вперед свою сухую ладонь:

– А теперь давай сюда ключи и отправляйся спать, – сказал он с неприязнью. – Завтра к полудню придешь в ратушу. Я дам тебе новое поручение.

– Доброй ночи, господин казначей, – почтительно сказал Петер, но Хойзингер уже захлопнул перед ним дверь.

* * *

– Господи, Петер, наконец-то! – выдохнула Мария Штальбе, едва только юноша переступил порог своего дома. – Где же ты был так долго? Я уже отправляла Лени к ратуше и к дому бургомистра, разузнать про тебя. Но твоей сестре никогда не хватало ни ума, ни расторопности – так чего удивляться, что она ничего не узнала, да еще и прошлялась бог знает где полтора часа! Эй, Лени, где ты там? – крикнула она в направлении кухни. – Иди, поздоровайся с братом.

Лени – невысокая худая девушка лет четырнадцати, с некрасивым лицом и испуганными глазами, – подошла к Петеру и обняла его. Следом за ней в дверь выглянула старшая сестра, Агата, и радостно помахала Петеру. Рука ее была измазана сажей – по-видимому, она выгребала золу из печи.

– Вы не оказываете брату должного почтения, – заметила мать, недовольно посмотрев на них. – Разве так его надо встречать? Почему у тебя грязные руки? – обратилась она к Агате. – Неужели нельзя было вымыть их к приходу брата? А ты, Лени, что ты стоишь с таким кислым лицом? Думаешь, Петеру это приятно? Вы всегда должны помнить, что Петер – единственный мужчина в нашей семье и только благодаря его стараниям мы имеем хлеб и крышу над головой. – Она горестно вздохнула: – У вашей матери больные ноги, и мне тяжело ходить, но вам все равно. Будь у вас хотя бы половина ума и трудолюбия, которыми обладает Петер, мы бы не знали забот. Но вы обе слишком глупы и ленивы, чтобы помогать мне, и делаете что-то по дому, только если я прикажу. А ведь я уже немолода, и мне тяжело уследить за всем...

Лени слушала мать молча, опустив глаза. Агата незаметно подмигнула Петеру. Обе они привыкли к подобным упрекам и не особенно переживали из-за них.

Самому Петеру уже не было никакого дела ни до причитаний матери, ни до гримас Агаты. Он устало стянул с себя пыльные башмаки, кинул куртку на стоявший поблизости стул и прошел в комнату. Мать поспешила следом за ним, на ходу отдавая дочерям приказания: прибрать на столе, снять с огня котелок с супом, принести из кухни тарелку и ложку, налить в глиняный кувшин пива. Она суетилась вокруг сына, не отходя от него ни на шаг, и это было тем удивительнее, что ноги у нее и вправду были больные, и в иные дни она часами не вставала с кровати, перекладывая всю работу по дому на дочерей.

Когда Петер принялся за еду, мать села рядом с ним, обняв его обеими руками за плечи.

– Мы долго ждали тебя, не ложились спать, пока ты не вернешься. Как прошла поездка? Хотя нет, не говори сейчас, сначала поешь. Тебе нужно поесть. Я положила в суп кусок сала – помнишь, у нас оставалось немного после Морицева дня? – и еще пару щепоток соли. Поешь, сынок. Я же вижу, как ты устаешь, как мучаешься ради нас...

Она промокнула глаза краем передника, задышала, пытаясь унять подступившие слезы. Петер поднял глаза, коснулся рукой ее щеки:

– Не обращай внимания... Я теперь часто плачу. И когда ты дома, и когда тебя нет... Видишь, мой мальчик, твоя мать сделалась старой... Бог послал мне тяжелую жизнь. Но я ни о чем не жалею, ведь у меня есть ты...

Агата и Лени тихо сидели в углу комнаты, и их не было видно – стоящая на столе свеча не освещала их. Они сидели, боясь напомнить о себе, любясь братом, глядя на желтое, отекавшее лицо матери, по которому побежали прозрачные дорожки слез.

– Господи, – всхлипнула Мария Штальбе, – какое это счастье – иметь доброго, любящего сына... Ты ведь уже настоящий мужчина, Петер. Моя гордость...

Она погладила его по волосам, а потом, спохватившись, взяла его пустую тарелку и подлила в нее горячего супа.

– Ешь, ешь, – бормотала она. – Пока тебя не было, приходил Альфред, сын мастера Фридриха. Сказал, что завтра утром ты должен явиться к ним. Кажется, они хотят пересадить

грушевые деревья. Этот Альфред – хороший парень. Говорил со мной почтительно, шапку с головы снял. А уж одет – ни дать ни взять дворянский сын. Серебряные пуговицы на куртке и вышивка... Жаль только, забыла спросить у него, сколько дадут за работу. Ты уж сам узнай у него завтра. И не качай головой – об оплате всегда стовариваются заранее. Не будь застенчивым, Петер, иначе другие станут ездить на твоём горбу.

Петер отодвинул от себя пустую тарелку, сыто рыгнул. Мать поцеловала его в щеку.

– Хороший суп, верно? Ну вот. А теперь – рассказывай, что было в Магдебурге, о чем говорят господа советники.

Юноша пожал плечами:

– Разве у них поймешь? Черт знает...

Мать несильно ударила его по губам:

– Не смей произносить подобных слов, Петер, сколько раз тебе повторять?! Не призывай на наши головы бед.

– Простите, матушка. Они толковали что-то о войне, о возвращении Его Высочества, о каких-то долгах. Я почти ничего не мог разобрать. Помню только, что господин Хойзингер снова ругал нашу семью. Скажите, матушка, почему он не любит нас?

Мария нахмурилась:

– Он никого не любит. Такой человек. Видно, за это и наказывает его Господь. Детей ему не дал и жену его – ту, первую, – забрал двадцати семи лет от роду... Хотя знаешь, по правде сказать, Кленхейму от него все-таки польза. Сварливый, но честный. Что же еще нужно от казначея? Сам крейцера в карман не положит и другим не даст. Кабы не он, цеховые давно захватили бы здесь все, прибрали к рукам. А он не позволяет, заставляет их платить. Скажу тебе больше: бургомистр наш, господин Хоффман, хоть и добрый человек, но слишком уж мягкий. На многое смотрит сквозь пальцы. Казначей против него посильнее будет.

Петер слушал ее внимательно.

– Но ты, сынок, об этом не думай пока, – продолжала мать. – Держись бургомистра, а Хойзингеру не попадайся лишний раз на глаза. И скажи мне еще: в Магдебурге заходил в церковь? Молился о благополучии нашей семьи?

– Конечно, матушка. Прочел все по памяти, как вы меня учили.

– Хорошо. Никогда не забывай об этом. Магдебург – святой город. Молитва, произнесенная там, стоит десяти молитв, произнесенных в любом другом месте. Мы бедны, Петер, и не можем жертвовать церкви. Но Богу угодны не деньги, а благочестие. Будь же благочестив, Петер. Будь добрым христианином.

С этими словами она поцеловала сына в лоб, перекрестила и прижала к своей отвисшей груди.

* * *

В Кленхейме наступила ночь. Въездные ворота были заперты, по улицам прохаживалась с факелами стража, во дворах спустили с цепи собак. Гасли теплые окна, засыпали дома, и только луна треснутым серебряным зеркалом проглядывала среди облаков.

День, начавшийся на улицах Магдебурга, наконец завершился – исчез, проскользнул между черными колоннами сосен, растаял в сентябрьской темноте.

Лег на пуховую перину Карл Хоффман – закричал, поморщился, вспоминая мучившую его дорогу. Обнял молодую жену Стефан Хойзингер. Поднялся в тесную, заваленную хламом мансарду Петер Штальбе.

Вся земля погрузилась в тяжелый сон, и ничего не осталось вокруг, только черная бездна неба и холодный, безразличный ко всему свет фальшивой луны.

* * *

Прошло несколько дней. Жизнь в Кленхейме шла своим чередом. Уже были посеяны на зиму ячмень и пшеница, собраны с грядок овощи, заготовлены дрова и сено, утеплены стойла для скота, сделаны запасы меда и воска. В домах затыкали паклей трещины в стенах, прочищали печные трубы, доставали из сундуков теплую одежду. В городском амбаре по приказу бургомистра перестлали крышу и заколотили досками прохудившийся участок стены. Казначей скрепя сердце пришлось выдать из казны полтора талера на оплату работы.

Везде, где придется, старались купить впрок продовольствие – отправлялись на телегах в Гервиш и Рамельгау, привозили оттуда солонину, бобы и сушеную рыбу. В Магдебурге покупали соль, пряности, сыр и зерно.

В домах побогаче закалывали свиней, нагулявших жира за лето. Свиное мясо коптили и подвешивали к стропилам, чтобы не испортили мыши; кровь сцеживали в котел, а затем, добавив немного ячменя, делали начинку для колбас; сало срезали с костей и укладывали в бочки. Свиная щетина, кожа, копыта – все шло в дело.

Работа в свечных мастерских не останавливалась – в расчете на то, что в следующем году торговля со столицей наладится и за изготовленные свечи удастся выручить хоть какие-то деньги. Подмастерья нагревали воду в котлах, отчищали и раскладывали металлические формы, скручивали фитили и размягчали воск для заготовок. Вслед за этим наступала очередь мастеров. На небольших весах отмеряли порции красителя и поваренной соли, которая дает пламени желтизну, и смешивали их с воском. Затем, облепив еще теплой восковой массой фитиль, придавали свечам форму и выкладывали их остывать. Готовые свечи раскладывали по деревянным ящикам, проложенным соломой.

Наступил октябрь. Дни становились все короче, и пронзительно-голубое небо стекленело от холода. Повсюду был разлит запах опавших листьев. Воздух сделался хрупким, прозрачным, и любые звуки – крик улетающих птиц, стук топоров в глубине леса или хлопанье оконных ставен – разносились далеко вокруг. Общинное поле и сад опустели, над печными трубами потянулись вверх тонкие струйки белого дыма.

По ночам в лесу протяжно выли волки – в последнее время их вообще много расплодилось в окрестных лесах. Осмелев, они вплотную подходили к домам на окраине города и даже загрызли одну из сторожевых собак. Сладить с хитрыми зверями оказалось не так-то просто. Они не попадались в капканы, а днем уходили в глубь леса, где охотникам было тяжело отыскать их. И все же в один из дней молодому Конраду Месснеру, по прозвищу Чеснок, улыбнулась удача. На пару с Вильгельмом Крёнером он выследил и подстрелил волка – крупного, матерого зверя, чья шерсть была почти черной. Отрезанную волчью голову Чеснок насадил на палку и выставил у крыльца своего дома, до тех пор, пока Герхард Вёрль, квартальный смотритель, не распорядился убрать ее оттуда.

И все же осень тысяча шестьсот тридцатого года выдалась в Кленхейме вполне благополучной. Дождей почти не было, и дороги оставались проезжими. Не было ни пожаров, ни несчастных случаев – вроде того, что произошел в прошлом году, когда кровельщик Райнер упал с крыши собственного дома и сломал себе шею. Никто из горожан не умер, и ни с кем не случилось тяжелых болезней. Мародеры, нищие, армейские фуражиры, погорельцы, сумасшедшие проповедники, беглые солдаты, разбойный люд – словом, все те, кого часто можно было встретить в те времена на дорогах Германии, – обходили город стороной. И жителям Кленхейма оставалось лишь благодарить Господа за это.

Все было спокойно, если не считать нескольких мелких происшествий, которые, так или иначе, случаются в жизни любого поселения.

Эльза Келлер – все считали ее вдовой, поскольку ее муж пять лет назад записался в солдаты и с тех пор от него не было никаких вестей, – неудачно поскользнулась, когда шла из лесу с вязанкой хвороста, и вывихнула себе руку.

Катарина Эшер, дочь мастера Фридриха, случайно опрокинула форму с растопленным воском в мастерской отца. В наказание Фридрих вывел ее на улицу, где несколько минут прилюдно таскал за волосы, а после на неделю запретил выходить из дому.

Дети Ганса Лангемана, наемного батрака, горлопана и горького пьяницы, залезли в огород семейства Штальбе и украли несколько кочанов капусты. Мария Штальбе нажаловалась бургомистру, и тот наложил на семейство Лангемана полагающийся в таких случаях штраф, одна половина которого зачислялась в городскую казну, а вторая шла на возмещение причиненного ущерба. Детям ничего не сделали – что с них возьмешь? Карл Хоффман только вызвал в ратушу жену Ганса, Терезу, и велел впредь лучше присматривать за ними. Женщина лишь расплакалась в ответ.

Вскоре после этого случилась еще одна неприятность, которая некоторым образом затрагивала самого бургомистра. Маркус Эрлих и Отто Райнер, сын покойного кровельщика, подрались прямо посреди ратушной площади, причем Эрлих едва не убил своего соперника. По слухам, причиной драки была Грета Хоффман – дочь бургомистра, за которой ухаживали оба.

Когда Якоб Эрлих, старшина кленхеймского цеха свечников, узнал о случившемся, то не выказал ни гнева, ни недовольства. Вечером, вернувшись домой из ратуши, он заглянул в мастерскую. Маркус был там – склонился над рабочим столом, ящик с заготовками – рядом. Некоторое время отец молча смотрел на его работу, а затем негромко произнес:

– Сколько сегодня?

Юноша повернул голову – он не слышал, как вошел отец, – и, несколько смутившись, ответил:

– Две.

– Стало быть, это третья, – сказал Эрлих, показывая глазами на заготовку, лежащую на столе.

– Эту я закончу.

– Не трать зря времени. Она никуда не годится.

Между бровями Маркуса пролегла упрямая складка.

– Я все делаю, как ты показывал. Должно выйти.

Отец взял у него заготовку и провел по ней пальцем.

– Видишь – вот здесь? Линия глубокая и неровная. Когда начнешь ее править, все раскрошится. – Он покрутил заготовку в руках. – Я тебе говорил – не стоит делать фигуры, пока не научишься обращаться с резцом. Ты слишком сильно давишь на него. А ведь это воск, не дерево – линии должны быть плавными, мягкими. Иначе вместо Девы Марии у тебя все время будут выходить уродцы, годные только на переплавку.

– Дай еще немного времени, все выйдет как надо.

Эрлих покачал головой:

– Времени ушло достаточно. Хватит. Ты и так за месяц испортил чуть не полсотни заготовок. И за сегодня три.

– Но отец...

– Я сказал – хватит, – повторил Эрлих. – С завтрашнего дня будешь заниматься, чем прежде. Готовь воск, помогай делать свечи и следы, чтобы все было на своих местах. Фигуры – развлечение, много на них не зарабатываешь.

Он сжал кулак, и незаконченная фигурка переломилась надвое в его руке. Маркус смахнул со стола восковые крошки и, не глядя на отца, произнес:

– Ганс делает фигуры.

– Какой Ганс? – переспросил старшина. – Келлер? Что ж, делает – потому что умеет. Я делаю, потому что умею. А ты пока только портишь материал. Учись делать свечи – они кормят наш город. Все остальное выкинь из головы.

– Не научусь делать фигуры – не смогу стать мастером, – упрямо сказал Маркус.

Якоб Эрлих нахмурился:

– Рано об этом думать. Точно ребенок, право слово. Тот еще пачкает пеленки, но на улице уже норовит бежать впереди отца с матерью. Запомни: мастером ты станешь в лучшем случае лет через пять. И то, если к тому времени умрет кто-то из наших. А пока – смотри, запоминай, делай все, как я говорю. Только так выучишься. Ты понял?

– Да, отец.

– И вот еще, – после некоторой паузы продолжил старшина. – Что у тебя с дочерью бургомистра?

– Ничего.

Эрлих молча смотрел на сына.

– Я вижу ее только во время воскресной проповеди, – нехотя сказал Маркус. – Иногда мы разговариваем, когда идем по дороге из церкви.

– Стало быть, – заключил старшина, – решил притереться к ней. Не спросив меня.

– Отец, я...

Якоб ударил крепкой ладонью по столу:

– Умолкни!! Не смей перебивать. Она – дочь бургомистра, и ты должен понимать, что это такое. С ее отцом я каждый день вижу в ратуше, он доверяет мне. Возможно, через несколько лет я смогу занять его место. Все это обязывает тебя – именно тебя, раз эта дурочка Грета ни о чем не думает, – соблюдать приличия. Ты говоришь, вы просто ходите вместе из церкви? Не будь болваном. А драка, которую ты затеял вчера с сыном кровельщика?! Да что драка – одного кивка вполне достаточно, чтобы распустить сплетню. И их уже распускают, Маркус. В лицо мне, конечно, не посмеют сказать ничего такого, но я слышу, как шепчутся за моей спиной. Больше всех наверняка усердствует этот гнилой бурдюк Траубе. Чертова порода... Бургомистр пока молчит, но я знаю – обсуждать подобного рода вещи не в его правилах.

– Поверь, между нами нет ничего дурного, – попытался вставить слово Маркус. – Грета – богобоязненная девушка. Я никогда не повел бы себя с ней... неподобающим образом.

Якоб пододвинул себе табурет, устало опустил на него.

– Знаешь Эрику Витштум? В девичестве она звалась Юминген. Тоже была богобоязненной. Каждый день ходила в церковь, ни на одного мужчину не поднимала глаз. А потом – раз, два и понесла от учителя, Альфреда Витштума. Когда ее мать узнала об этом, то выгнала Эрику во двор и отхлестала ремнем до полусмерти, на глазах у всех. Удивляюсь, как всю завязь из нее не выбила... Учитель, правда, через некоторое время все же женился на Эрике – небольшого ума был человек... Однако речь не о нем. Грета – не просто смазливая девушка, которой позволительно строить глазки на церковной скамье. Она – особой породы. Это с девками вроде Эммы Грасс можно не церемониться. Гуляй с ней у всех на виду, хлопай по заднице, как кобылу, никому нет никакого дела до этого. Позволяет себя тискать – сама виновата, позор только ей и ее родне. Но бургомистерская дочка – совсем другое. Вы оба – и ты, и она – принадлежите к первым семьям Кленхейма. Именно поэтому любая оплошность, которая легко сошла бы с рук в ином случае, может обойтись очень дорого. Позор ляжет не только на семью бургомистра, но и на нашу семью тоже. И тогда все, чего я стою, все то уважение, которым пользуется имя Эрлихов, – все это будет выброшено в утробу.

Эрлих-старший поднялся со своего места и подошел к массивному шкафу, стоявшему у углу мастерской. Вынул из кармана связку ключей, открыл шкаф и вытащил из него книгу в тяжелом деревянном футляре.

– Видишь? – спросил он, глядя на сына. – Это устав нашего цеха, кленхеймского цеха свечников. Смотри, Маркус, и смотри внимательно – только избранным позволено держать эту книгу в руках. В самом начале, вот здесь, начертано рукой архиепископа Буркхарда, что он утверждает наш устав и именем своим подтверждает все права и привилегии, которые записаны на этих страницах. Видишь? Буквы, конечно, поистерлись немного, но архиепископскую печать видно вполне хорошо. Впрочем, я не только это хотел тебе показать.

Он открыл книгу с конца.

– Здесь перечислены имена тех, кто когда-либо становился старшиной нашего цеха, с момента его основания и по сегодняшний день. Смотри, как много имен, несколько десятков. И на самой нижней строчке – имя твоего отца. Понимаешь, о чем я толкую? Еще каких-нибудь полсотни лет назад у нашей семьи не было ничего, кроме мастерской и доброго имени. Но теперь... теперь все иначе. Я избран в городской совет и стою во главе цеха. Я храню у себя наш старинный устав и распоряжаюсь цеховой казной. Люди на улице кланяются мне навстречу и снимают передо мной шапки. Мы обрели уважение и богатство. Твоему прадеду приходилось занимать деньги в долг, чтобы купить корову или свинью? Что ж, сейчас я сам даю людям займы. У нас было четыре моргена²⁸ земли? Теперь нам принадлежит десять моргенов. Семейства Штальбе, Цандер и Гаттенхорст отдали нам свои участки в залог, и если в условленный день они не смогут расплатиться, их земля отойдет нам.

Цеховой старшина умолк, провел рукой по жесткой седой бороде.

– Я потому так перед тобой распинаюсь, Маркус, – продолжил он после некоторой паузы, глядя сыну прямо в глаза, – что знаю: ты пошел в меня и умеешь думать головой. Твой старший брат был болван и с возрастом не поумнел. Иногда я думаю, что это не так уж и плохо, что он убрался из города... Вот тебе мое слово: хочешь ухаживать за дочерью Хоффмана – сделай все по правилам, так, как у нас заведено. Не подведи меня. Помни о том, кто ты и кто твой отец.

С этими словами он поднялся, убрал книгу обратно в шкаф и, не говоря больше ни слова, вышел из мастерской, аккуратно прикрыв за собой дверь. Маркус некоторое время стоял на одном месте не двигаясь, а затем принялся собирать в ящик разложенные на столе инструменты.

* * *

Сквозь открытое окно в мастерскую проник кисловатый, теплый запах – где-то пекли хлеб. Солнце медленно плыло к горизонту, спускаясь по облакам, как по ступеням. Вечерний воздух сделался золотым.

Часы на ратуше прозвонили пять раз – пять ударов медных нюрнбергских молоточков по медным же наковальням, спрятанным в глубине замысловатого механизма. Работа в мастерских скоро должна завершиться.

Закончив с инструментами и переставив к стене ящик для заготовок, Маркус подошел к окну и выглянул на улицу. В доме напротив жена плотника Хоссера сгребала в кучу опавшие листья. Увидев юношу, она приветливо – и, может быть, даже с некоторым кокетством – кивнула ему и поправила выбившуюся из-под чепца прядь тускло-рыжих волос.

Маркус ответил ей еле заметным кивком. На душе у него было радостно. Отец отчитал его – пусть. Главным было то, что он позволяет ему ухаживать за Гретой. Господи, как он боялся, что отец не одобрит его выбор! Ведь многие в городе говорят о ней дурно. Она-де и глупая, и нерасторопная, и всех достоинств у нее только то, что отец бургомистр. Но чего люди не скажут из зависти! И кто говорит – Эрика Витштум? Но она злословит о каждом. Или, может быть, Магдалена Брейтен, у которой старшая дочь все сидит без мужа? Что толку

²⁸ Морген (морг) – единица измерения земельной площади в Западной Европе, примерно равная 0,56 га.

слушать их... Отец может не волноваться: все будет сделано так, как требует обычай. Если господин бургомистр и его жена дадут согласие, то вскоре состоится помолвка. Он, Маркус, подарит Грете белую ленту и сможет иногда приходить в их дом. Еще через полгода – возьмет ее в жены. А потом... потом пройдет еще немного времени, и он станет мастером и вступит в круг самых уважаемых людей города.

Грета, милая Грета... Он вспомнил, как однажды встретил ее неподалеку от Малой площади. Это было минувшей весной, после праздника Пасхи. Она шла из дому с плетеной корзинкой в руке, и в ее каштановых волосах просвечивало весеннее солнце. Вначале он хотел догнать ее и заговорить – неважно о чем, просто заговорить, чтобы услышать ее голос и увидеть улыбку. Но потом решил, что лучше просто стоять на месте и смотреть, как она идет и как простое серое платье колышется в такт ее шагам.

Все будет так, невозможно, чтобы было иначе. Они женятся, они будут жить под одной крышей и будут счастливы. Господь благословит их брак. Грета – необыкновенная девушка. И пусть отец говорит о ней, точно о породистой лошади, – чему удивляться, он никогда не говорит о женщинах хорошо. Как только Грета войдет в их дом, он переменится...

От всех этих мыслей бледное лицо юноши слегка порозовело. Чтобы немного успокоиться, он прикоснулся лбом к холодному оконному стеклу.

Солнце закатилось за горизонт, оставив на засыпающем небе лишь нежно-розовый всплеск. Сумеречные тени растеклись по земле, в домах зажигали свечи. Жена плотника уже давно ушла в дом, притворив за собой дверь. Ганс Лангеман, слегка пошатываясь – он, по обыкновению, был пьян, – прошел по улице с каким-то мешком на спине. В одном из соседних дворов лениво залаял пес.

Из кухни слышалось звяканье кастрюль – Тильда готовила ужин. День закончился. Устав цеха запрещал работу после захода солнца. Еще немного постояв у окна, Маркус повернулся и вышел из мастерской прочь.

Глава 5

Собрание городской общины началось в субботу, в День святого Луки. Ратушный колокол ударил три раза – настойчиво, звонко, – и люди потянулись по узеньким улицам, приветствуя друг друга, переговариваясь с соседями, кивая знакомым, покрикивая на путающихся под ногами детей.

День выдался холодный и светлый. Ветер нехотя шевелил кроны деревьев, желтые листья незаметно соскальзывали с ветвей вниз. В голубом небе не было видно ни облачка.

Площадь перед ратушей быстро заполнялась людьми.

Приковыляла, опираясь на руку дочери, старая Марта Герлах – сгорбленная, со спутанными волосами. Кто-то принес ей низенький табурет, чтобы она могла сесть. Пришел, смешно переставляя короткие толстые ноги, лавочник Густав Шлейс. Эрика Витштум, учительская вдова, появилась вместе со всеми своими детьми и в сопровождении младшей сестры – той, что вышла в позапрошлом году за Петера Фельда, сына башмачника. Расположившись в первом ряду, всего в нескольких шагах от ступеней крыльца, Эрика стояла, скрестив на груди руки и недовольно поглядывая по сторонам. Дети хватались за ее юбку, чтобы не потеряться в толпе.

С каждой минутой людей прибывало. В дальнем конце площади показались цеховой мастер Карл Траубе и трактирщик Герхард Майнау. Пришел в окружении всего своего многочисленного семейства Курт Грёневальд, первый городской богач, которому принадлежала едва ли не четверть всех кленхеймских земельных угодий. Шли мастеровые и подмастерья, мужчины и женщины, дочери и сыновья. Шумная, разноголосая толпа росла перед закрытыми дверями ратуши.

Конрад Чеснок и Петер Штальбе поглядывали на стоявших поблизости девушек. Отто Райнер зевал. Анна Грасс ругалась с мельником Шёффлем, размахивая руками у него перед носом. Тереза Лангеман испуганно выглядывала из-за спины мужа. Двое сыновей Эльзы Келлер забрались на высокий каштан, росший прямо посередине площади, и свешивались с его ветвей, словно обезьяны.

Кто-то жаловался на жизнь, кто-то хохотал над непристойной шуткой соседа, кто-то не торопясь отхлебывал пиво из кожаной фляги. Много было разговоров про войну, про Магдебург и про шведского короля, но больше всего толковали про то, что магистрат распорядился не выплачивать денег общинным служащим.

– Как же теперь быть, господин пастор? – спрашивала Мария Штальбе стоявшего рядом с ней отца Виммара. – Моему Петеру причитается в год пять талеров серебром за его работу. А теперь, выходит, не получим мы ничего?

Священник улыбнулся в ответ:

– Все не так плохо, госпожа Штальбе. Господин бургомистр заверил меня, что все денежные выплаты будут заменены выдачей зерна из городских запасов.

– Первый раз слышу, – недоверчиво буркнул подошедший к ним Август Ленц, цеховой мастер. – Когда ж говорили про это?

– Говорили, можете не сомневаться. Да и сегодня, думаю, непременно объявят.

– Как бы нам не пришлось голодать этой зимой, – озабоченно сказал портной Мартин Лимбах, которого в прошлом году избрали общинным судьей. – Провизии на зиму запасли вполтину меньше, чем год назад. Ох и большую свинью подложили нам скупщики! Господин Хойзингер сказал мне, что...

– Ты его больше слушай, – поморщился Ленц. – Вечно все преувеличивает. Хлеб посеян, запасов на зиму хватит, а уж весной все как-нибудь да устроится.

– Двери уже открывают, – заметил пастор.

И действительно, двери ратуши распахнулись, и вышедший на крыльцо Гюнтер Цинх – он исполнял при Кленхеймском магистрате обязанности секретаря – пригласил всех явившихся на собрание заходить внутрь.

Зал, где проходили собрания общины города Кленхейма, был разделен на две половины. Стулья с высокими прямыми спинками и стол – для членов городского совета и общинных судей; длинные, выставленные друг за другом скамьи – для всех остальных. В углу – черный шкаф, набитый книгами и документами, сшитыми в кожаный переплет. Над столом – резной деревянный герб Кленхейма: Магдебургская Дева и три золотые пчелы.

Все по порядку, все так, как было заведено еще несколько сотен лет назад. У каждого свое место и своя роль. Здесь, на собрании, могут присутствовать только главы семейств: отец, или после его смерти старший сын, или вдова, если сын еще не достиг совершеннолетия. Шесть дюжин семейств, шесть дюжин голосов. Всем остальным придется дожидаться на площади.

Люди неторопливо занимали свои места.

За длинным черным столом расположились со своими бумагами члены Совета: Карл Хоффман, Стефан Хойзингер, Якоб Эрлих, начальник городской стражи Эрнст Хагендорф и Фридрих Эшер, цеховой мастер. На поясе у каждого из них висел на двух тонких цепочках короткий кожаный футляр с серебряной застежкой – символ их высокого звания.

Трое общинных судей – Мартин Лимбах, Курт Грёневальд и Юниус Хассельбах – заняли места на противоположном конце стола.

В руке Стефана Хойзингера требовательно и раздраженно зазвенел колокольчик. Все затихли, выжидающе глядя на бургомистра. Гюнтер Цинх обмакнул в серебряную чернильницу длинное гусиное перо.

Сцепив толстые пальцы и откашлявшись, Карл Хоффман произнес:

– Совет Кленхейма, приведенный к присяге перед Господом и людьми, объявляет о собрании членов общины для решения настоятельных и неотложных вопросов городского управления. Господь да поможет нам быть мудрыми и беспристрастными, судить честно и поступать по справедливости.

– Да будет так, – эхом прокатилось по залу.

– Каждый из нас, сидящих здесь, – продолжал бургомистр, – поклялся соблюдать законы и установления Кленхейма, быть добрым христианином и почитать Святое Евангелие. Каждый из нас поклялся в верности нашему законному суверену, наместнику Магдебурга, как представителю мирской власти и защитнику истинной германской церкви. Каждый из нас поклялся стоять на страже интересов общины, охранять в ней мир и порядок и, если потребуется, встать на ее защиту с оружием в руках. Пусть же никто не отступит от этой клятвы.

– Да будет так, – прошелестел зал.

– Долг горожанина требует, чтобы каждый из нас был добрым семьянином и честным тружеником, не причинял вреда своему соседу, не прелюбодействовал, не лгал, не злословил и не обманывал. Долг горожанина требует, чтобы мы заботились о благополучии Кленхейма точно так же, как и о своем собственном.

– Да будет так...

– Всем вам известно, – продолжал бургомистр, – что во время наших собраний каждый имеет право обратиться с открытой жалобой на действия кого-то из жителей города и пришлых людей, равно как и на действия членов городского совета, если считает, что действия эти несправедливы, совершены в нарушение законов и обычаев Кленхейма и наносят кому-либо вред или незаслуженную обиду. И коль скоро подобная жалоба будет заявлена, Совет, равно как и судьи, избранные из числа наиболее уважаемых жителей нашего города, обязан рассмотреть ее гласно, открыто и в присутствии всех прочих членов общины. Тот, против кого заявлена жалоба, должен предстать перед нами и высказать в свою защиту все, что пожелает нужным высказать. И если жалоба заявлена против мужчины, достигшего совершеннолетия, то

пусть этот мужчина говорит за себя сам. Если же жалоба заявлена против женщины, то пусть от ее лица говорит ее муж, отец или другой совершеннолетний мужчина из ее рода, а буде таковых не найдется – любой из тех, кто обладает правом голоса на наших собраниях, по ее собственному выбору.

Сидящие в зале люди молча внимали словам бургомистра. Карл Траубе что-то шепнул на ухо своему соседу, Августу Ленцу. Марта Герлах трясущимися руками поправила на голове чепец.

– Сейчас каждый, кто хочет высказать свою жалобу, пусть выскажет ее и будет при этом правдив и честен и не добавляет к своему рассказу ничего из того, чего не происходило в действительности. Ибо ложное обвинение карается столь же строго, сколь и воровство. Как вор крадет чужое имущество, так и несправедливый доносчик крадет у человека его доброе имя. Помните об этом и будьте честны.

Первым со своего места поднялся Георг Хоссер – хмурый верзила с низким лбом и глубоко посаженными глазами.

– Я приношу на суд общины жалобу против Петера Штальбе, сына покойного батрака Андреаса, – сказал он. – Да, жалобу... И прошу присудить ему штраф в...

– Постой, – остановил его Курт Грёневальд. – Прежде ты должен сказать нам, что сделал Петер, и лишь после этого мы сможем решить, виновен ли он и какое наказание следует ему назначить.

– Конечно, конечно, – закивал своей маленькой головой Хоссер. – Тут дело такое... Чтобы... Словом, нас в городе всего двое плотников – так, как постановил Совет. Я и Вернер Штайн. Стало быть, двое плотников, и никто, кроме нас, не вправе заниматься этой работой. А я пару недель тому узнаю, что Петер подрядился скамьи изготовить для господина Майнау. Думаю: как же так? Нам троим и так еле достает заказов, чтобы прокормить свои семьи, а тут прямо изо рта кусок тягают?

– Тебе известно, сколько Петер получил за выполненную работу? – спросил Якоб Эрлих.

– Про то не знаю, – пожал плечами плотник. – Наверяд ли много, потому как работа простая и сам я за нее никогда больше полуталера сроду не брал. Да только не в этих деньгах дело. Ведь если и дальше так пойдет и один будет у другого отнимать ремесло, так что же нам всем – в побирушки, что ли, идти? Я так мыслю, досточтимые господа: коли есть у каждого свое занятие и свой заработок, так этого и надо держаться. А ежели кто пойдет против этого... нарушит правило... того наказывать. Потому и жалуюсь вам сейчас и прошу, чтобы восстановили вы справедливость.

Хоссер стер со лба выступивший пот и тяжело опустился на свое место, бросив короткий взгляд на сидящего неподалеку Петера Штальбе.

– Твоя жалоба понятна, – сказал Курт Грёневальд. – Теперь мы должны выслушать того, против кого она заявлена. Встань, Петер, и подойди ближе.

Молодой Штальбе протиснулся между скамьями и вышел вперед.

– Георг Хоссер сказал сейчас правду? – спросил его Грёневальд. – Ты действительно подрядился выполнить работу для господина Майнау?

Петер повел широкими плечами, нехотя кивнул.

– И сколько же ты получил за свой труд?

– Четверть талера и меру муки, – глядя в пол, ответил юноша.

– Ты знал о том, что только двое мастеров в Кленхейме имеют право заниматься плотницким ремеслом?

– Разумеется, знал, – фыркнула со своего места Эрика Витштум.

– Я лишь хотел заработать немного денег, господин Грёневальд, – тихо ответил Штальбе. – Вы же знаете, я один мужчина в семье, и мать у меня больная. А работа – так работа была невелика. Я и не думал даже, что Георг станет на меня жаловаться.

Курт Грёневальд удовлетворенно кивнул.

– Что ж, Петер, ты не отпираешься и не препятствуешь нам установить истину. Возвращайся на свое место.

Судьи принялись о чем-то тихо переговариваться с бургомистром и остальными советниками. Наконец Карл Хоффман дал Гюнтеру Цинху знак, чтобы тот начинал записывать, после чего объявил:

– Выслушав жалобу нашего уважаемого собрата Георга Хоссера, судьи и Совет Кленхейма пришли к единодушному решению: Петер Штальбе виновен в нарушении законов и установлений нашего города. Всем известно, что каждый вправе заниматься определенным ремеслом, лишь получив на то письменное разрешение городского совета. И если человек подражается выполнить работу, не имея такого разрешения, то тем самым он отнимает хлеб у других мастеров и наносит урон их семьям.

Сидящие в зале люди одобрительно закивали.

– Всем известно, – продолжал бургомистр, – что Кленхейм не в силах обеспечить работу слишком большому числу мастеров. Ведь иначе, не получая заказов в достатке, они начнут отнимать работу друг у друга, соперничать и враждовать между собой, несправедливо понижать цены. Ты, Петер, поступил весьма дурно и, надеюсь, сам понимаешь это. Впрочем, судьи и Совет Кленхейма полагают, что поступок твой происходит не от злого сердца и не из желания обогатиться за чужой счет, а лишь из стремления помочь своей семье. И потому...

– Но как же так, господин бургомистр! – вскочил со своего места Хоссер. – То, что Петер заработал, должна была заработать моя семья или семья...

Якоб Эрлих тяжело посмотрел на плотника, и тот нехотя сел на свое место, бормоча что-то себе под нос.

– ...и потому, – повторил Хоффман, – община не будет подвергать тебя денежному штрафу или иному наказанию. Вместе с тем половину из вырученных денег ты должен будешь разделить между семействами Хоссер и Штайн. Эти деньги принадлежат им по праву. И помни, Петер: город выказывает тебе не только милость, но и доверие. Если случится так, что ты снова нарушишь наши законы, кара за твой проступок будет суровой и ты уже не сможешь рассчитывать на снисхождение.

Гюнтер Цинх скрипел по бумаге пером, записывая слова Хоффмана.

– Неспроста наш бургомистр потакает этим Штальбе, – шепнула Эрика Витштум своей соседке, Кларе Видерхольт. – Любому другому назначили бы штраф, да и дверь бы смолой мазнули в наказание. А этому чернявому все сходит с рук...

* * *

После плотника Хоссера со своего места поднялся портной Маттиас Турм и объявил, что приносит жалобу против мужа своей сестры, Кристофа Шнайдера, мясника.

– Третьего дня Кристоф вернулся из трактира злой, – рассказывал он, – потому как проиграл Конраду Месснеру в кости, да и пару лишних кружек выпил, с ним это часто случается. Так вот, проиграл, выпил, а зло свое решил сорвать на моей сестре. По правде сказать, он и раньше ее поколачивал, а тут расхотелся сильнее положенного – выбил ей два зуба и руку вывихнул. Оно, конечно, понятно: муж над женою хозяин и, если надо, может иногда учить уму разуму. А все ж таки жена – не скотина. Да и скотину добрый человек нипочем не станет калечить... Так вот я чего хочу сказать: сестру мою, Юлиану, вы все знаете. Нрава она смиренного, за детьми хорошо присматривает, и дома у нее все всегда в чистоте и должном порядке. Разве заслужила она такое обращение? Разве по-людски это, по-христиански? Не знаю, что вы решите, и потому ничего не прошу заранее. Как рассудите, пусть так и будет.

Сидящие за столом пошептались между собой, после чего Юниус Хассельбах задал вопрос:

– Скажи нам, Маттиас, где сейчас твоя сестра и кто может засвидетельствовать ее увечье?

– Она не смеет показываться на людях, – ответил портной. – И поначалу даже не хотела, чтобы я жаловался на ее мужа. Но ведь как по-другому, когда...

– Кто может засвидетельствовать правдивость твоих слов? – нахмурившись, повторил Хассельбах.

– Спросите госпожу Видерхольт, – пожал плечами Турм. – Она вправляла ей вывих и все видела. Или, если желаете, сходите к сестре и посмотрите на нее сами.

Снова пошептавшись, советники распорядились отправить за Юлианой Шнайдер посыльного, а затем приступили к допросу ее мужа. Тот и не отпирался особо. Сказал, что действительно поколотил жену за скверно приготовленный ужин и что, если бы она не перечила ему и не вздумала сопротивляться и хватать его за руки, ничего дурного и не случилось бы.

Вслед за Шнайдером судьи опросили трактирщика, травницу Видерхольт и Конрада Меснера, которые подтвердили слова Турма.

Как только посыльный привел к ратуше Юлиану Шнайдер, ее, по распоряжению бургомистра, отвели в одну из дальних комнат, где трое судей лично смогли убедиться в том, что два передних зуба у женщины выбиты, а один глаз заплыл багровым кровоподтеком.

Несколькими минутами спустя было объявлено решение: Кристофу Шнайдеру за излишнюю жестокость и неподобающее поведение присудить шесть часов позорного столба, а также штраф в полтора талера серебром. Неприязненно посмотрев на насупившегося мясника, бургомистр прибавил также, что если тот еще раз поступит со своей женой подобным образом и нанесет ей увечье, то наказанием для него будет уже не позорный столб, а городская тюрьма.

Дальше последовало еще несколько жалоб различного рода: кто-то тайком передвинул на поле межевые камни и прихватил таким образом кусок чужой земли; чья-то корова, проломив худую ограду, вытоптала морковные грядки на соседском огороде; один из горожан попросил бочара Касснера сделать новые бочки для хранения солонины, а затем отказался оплачивать сделанную работу.

Последним к суду общины обратился лавочник Шлейс, который обвинил одного из заезжих купцов, Фридриха Хаасе из Магдебурга, в том, что тот вел в Кленхейме незаконную торговлю.

– Можно свободно торговать мелочным товаром, – говорил Шлейс, – продавать книги, ламповые фитили, инструменты или кружево. Но никто из пришлых не вправе торговать у нас солью, мукой, тканями и тому подобным. Все это прежде должно быть продано в мою лавку. На то имеется давнишнее разрешение Совета, выданное еще моему отцу и переписанное затем на мое имя. Сам я торгую без малого двадцать лет, и торгую честно. За все время никогда ни разу еще не было, чтобы я обманул кого-то или продал негодный товар. Мне мое имя дорого. Совет разрешил мне добавлять десятую часть сверх покупной цены, чтобы иметь возможность содержать лавку и кормить свою семью, – что ж, этого установления я тоже никогда не нарушал и никогда не брал с людей сверх положенного. А прощельга Хаасе – он ведь не первый раз появлялся у нас и прекрасно знает наши порядки. И все же решился торговать в обход. Тех, кто покупал у него, я не виню: Фридрих продавал товар чуть дешевле. Значит, кому-то из нас повезло, кто-то выиграл на этом. На разве город выиграет, если моя лавка разорится от нечестной торговли? И с кого тогда будем спрашивать за негодную муку или порченный отрез ткани? Я полагаю так, что община должна вмешаться и встать на защиту собственных правил – не ради выгоды моей семьи, а ради выгоды общей.

Переглянувшись с другими членами Совета, бургомистр произнес:

– Твое обвинение, Густав, заявлено против человека, который не подчинен нашей власти, и обвинение это серьезно. Мы верим тебе, ибо знаем, что ты человек честный. Но для того, чтобы призвать к ответу жителя Магдебурга, потребуются некоторые доказательства.

– Я могу представить Совету свидетельства пятерых человек из тех, кто покупал у Хаасе товар. Сам же готов поклясться на Святом Евангелии в том, что мои слова правдивы.

– Что ж... – Бургомистр задумчиво провел ладонью по поверхности стола. – Кленхейм не может судить жителей других городов и деревень, на то необходим суд более высокий. Однако мы не станем мириться с тем, что кто-то посягает на наши права. Если ты сможешь представить Совету требуемые доказательства, мы обратимся за правосудием к Его Высочеству наместнику. Кроме того, в случае, если Фридрих Хаасе снова появится в нашем городе, он будет заключен под стражу – до тех самых пор, пока добровольно не покроет нанесенный ущерб.

Густав Шлейс возвратился на свое место. Тонкий звон колокольчика оповестил всех о том, что рассмотрение жалоб окончено.

* * *

Собрания общины в Кленхейме – большие собрания, как принято было их называть, – обыкновенно проходили четыре раза в год: зимой – после Крещения; весной – перед Пасхой; летом – после Иванова дня и осенью – после сбора урожая. На этих собраниях горожане избирали членов Совета и судей, квартальных и межевых смотрителей, определяли размер податей и проверяли траты из городской казны, назначали опекунов для сирот, выслушивали жалобы и разрешали споры.

Община ревностно следила за соблюдением своих порядков – неважно, шла ли речь о благопристойном поведении или уважении к чужой собственности, о торговле или ремесле, о пользовании земельными угодьями или уплате податей. Запреты и штрафы разного рода, телесные наказания, позорный столб, изгнание или смертная казнь – в руках города все это было орудием, необходимым для того, чтобы удерживать людей в границах дозволенного.

Убийство, изнасилование, вытравливание плода или умышленный поджог карались смертью. Некоторые проступки наказывались тяжелым увечьем, для иных наказанием были порка или публичное унижение. Пьянице Гансу Лангеману не единожды приходилось ходить по улицам Кленхейма с железной маской в форме свиного рыла. Сабина Кунцель была уличена в том, что успела забеременеть до дня вступления в брак, – в наказание за это вместо убора невесты на голову ей был возложен грубый венок из соломы, и никто из уважаемых людей города не почтил своим присутствием ее свадьбу. Супругам Гейнцу и Магдалене Хирш, которые своими частыми ссорами не давали покоя соседям, пришлось протащить через весь город тележку, доверху набитую камнями. У тележки не было ручек, и они тащили ее на веревках, концы которых были завязаны у них на груди.

Кленхейм был нетерпим к непристойному поведению, к слишком большому богатству и к удручающей бедности, к чрезмерной лени и к столь же чрезмерному трудолюбию, ко всему, что отклонялось от веками заведенного порядка, ко всему, что нарушало спокойный и размеренный ход городской жизни. Любой, кто желал слишком много работать или же, напротив, работал из рук вон плохо; любой, кто устанавливал слишком низкие цены или же расторгал заключенные сделки; любой, кто обманывал или продавал негодный товар, наносил вред другим жителям города, и люди не желали этого терпеть. Деятельный хитрец, равно как и ленивый бездельник, отнимал у общины ее богатство, хотя и каждый по-своему.

Законы Кленхейма запрещали строительство новых домов – если только новый дом не возводился на месте старого; запрещали раздел имущества умершего – все должен был получить старший наследник мужского пола; запрещали продавать чужакам землю или вступать с ними в брак иначе как с разрешения городского совета. Никто не роптал против этих запретов

и не сетовал на их несправедливость. Община была для людей домом и защитой от внешнего мира – мира враждебного и чужого. Она карала и протягивала руку помощи, она окружала человека с момента рождения и до смерти, она питала и удерживала его, как питает и удерживает древесные корни земля.

* * *

После того как рассмотрение жалоб было завершено, а все полагающиеся в таких случаях бумаги подписаны и скреплены печатью, Карл Хоффман откашлялся и произнес:

– Теперь нам следует перейти к главному. Все вы знаете, что Кленхейм уже долгое время не получает от скупщиков денег за проданные свечи. До недавнего времени мы надеялись, что сможем взыскать этот долг с помощью наших покровителей в магдебургском совете. Увы – надежды не оправдались. Ни магистрат, ни двор Его Высочества не намерены вмешиваться в споры подобного рода. Все, что нам остается сейчас, – ждать до весны и надеяться, что Магдебург сумеет избежать новой осады.

Бургомистр закашлялся, налил в свою кружку немного пива из стоящего рядом медного кувшина, сделал глоток.

– Городская казна опустела, и вам следует знать об этом, – продолжил он, отставляя в сторону кружку. – Кленхейм больше не может никому выдавать жалование, не может расходовать средства на нужды общины, не может пополнять запасы зерна, как это делалось прежде. При этом не позднее Михайлова дня городу надлежит уплатить в казну наместника полторы сотни талеров годовой подати. Так обстоят дела. И теперь нам необходимо решить, что делать со всем этим дальше.

В зале поднялся ропот.

– Пусть скупщики выплатят долги зерном, – нахмурившись, произнес Курт Грёневальд.

– Или оружием, – добавил Эрнст Хагендорф.

– Невозможно, – повел рукой бургомистр. – Магдебург объявил войну императору, и магистрат не станет сокращать городские запасы.

Сидящий на задней скамье Георг Крёнер пробормотал:

– Господи Иисусе, снова война...

– Что же тогда шведский король? – привстав со своего места, спросил лавочник Шлейс. – Он придет Магдебургу на помощь?

– Откуда нам знать про это, Густав? – поморщился в ответ казначей. – Разве об этом идет сейчас речь?

Шлейс примирительно улыбнулся и сел на скамью.

Вслед за ним в разговор вступил Карл Траубе.

– Зачем себя хоронить, не использовав всех возможностей до конца? – вкрадчиво начал он. – Скупщики не желают платить по счетам – что ж, это весьма скверно и не делает им чести. Однако мы можем принудить их сдержать свое слово. Обратимся к суду наместника.

– Бесполезно, – кисло произнес казначей. – Наместник не пожелает нас слушать. Скупщики ходят у Его Высочества в кредиторах. Как ты думаешь, чью сторону он займет?

– Прежде мы выигрывали тяжбы в высоком суде, – заметил Якоб Эрлих. – Нужно добиться уплаты долга.

Но казначей только махнул рукой:

– Прежде наши правители не заключали союзов с иностранными государями и не восставали против кайзерской власти. А сейчас Христиан Вильгельм намерен выцедить из своих подданных все, лишь бы выслужиться перед стокгольмским двором и продолжать войну. Магдебург плотно зашил свой карман, и нам ничего из этого кармана не перепадет, уж будьте покойны.

– Нужно добиться уплаты долга, – упрямо повторил Эрлих. Его холодные светло-голубые глаза медленно наливались злостью.

– Якоб, мы сделали все, что могли, – мягко сказал бургомистр. – Что нам еще остается? Сейчас не самое подходящее время, чтобы ссориться с Магдебургом.

– А я, – добавил казначей, – хочу напомнить тебе, Якоб, что если бы не твоя скупость, то деньги были бы давно выплачены. Помнишь того крещеного еврея из Лейпцига, Йозефа Траутмана? Он был готов приобрести магдебургский долг с уступкой тридцати процентов. И что же? Ты отказал ему, хотя я предупреждал, что условия выгодные. Во многих других землях Империи векселя учитывают за половину, а то и за треть стоимости. Вيني себя и свое упрямство. И не требуй, чтобы мы, как последние идиоты, подавали наместнику жалобы и просиживали штаны в канцеляриях.

Кровь прилила к лицу цехового старшины, и он уже собирался ответить, но Хоффман опередил его:

– Не нужно ссор. Сейчас нам следует разобраться с делами. В первую очередь надо решить, как уплатить Магдебургу подать.

– Я не собираюсь ничего платить, – каркнул со своего места Фридрих Эшер, тучный, высокий старик с бугристым лицом и слюнявой нижней губой. – Не понимаю, какого черта мы должны что-то отдавать Магдебургу до тех пор, пока они не рассчитаются с нами. Чертовы дармоеды!

Фридриха Эшера никто не любил. Он был груб и постоянно затевал ссоры с соседями. Однажды он проломил палкой хребет соседскому псу, случайно забежавшему к нему во двор. Впрочем, со своими домашними старый мастер обращался не лучше: его жена и дочь часто выходили из дому с кровоподтеками на руках; они никогда не улыбались и никогда не смели поднять на Фридриха глаз. Единственный человек, к которому старик относился по-доброму, был его сын, Альфред. Спокойный, доброжелательный юноша, лицом и характером он больше походил на мать, нежели на отца. Фридрих любил сына – настолько, насколько он вообще мог кого-то любить. В день совершеннолетия, когда Альфреду исполнилось шестнадцать, он подарил ему куртку, сшитую в Магдебурге на заказ. Куртка была из мягкой кожи, с серебряными пуговицами и стоила очень дорого. Со стороны Эшера подобная щедрость казалась удивительной. Даже Курт Грёневальд, первый городской богач, не делал своим сыновьям подобных подарков.

– Не платить им? – переспросил Эшера казначей. – Очень мило, что ты нам подсказал. Но позволь узнать: как мы поступим, если наместник направит в Кленхейм солдат?

Цеховой мастер презрительно фыркнул:

– Если придут и начнут чего-то требовать – пусть катятся обратно. Или клянусь, я первый возьму в руки аркебузу!

– Да ты, верно, рассудка лишился, Фридрих?! – вскипел казначей, но старый мастер лишь хлопнул по столу тяжелой ладонью:

– Будем драться, и точка.

Бургомистр вздохнул. Господи, что за наказание – слушать глупца! Без сомнения, Фридрих – хороший мастер и свечное ремесло знает получше многих. Но здесь, в Совете, от него нет совершенно никакого толку. Никогда ни во что не вникает и не желает слушать других. Вместо этого придирается к мелочам, начинает склоки, шумит и горлопанит там, где нужно посидеть и подумать.

– Не знаю, как вы посмотрите на это, – вдруг пробасил Хагендорф, – но в Магдебурге есть несколько крепких ребят, которые собирают деньги с должников, не желающих платить. Я мог бы потолковать с ними и...

– Глупости, – перебил бургомистр. – Не хочу даже слушать об этом. Скажи, Якоб, может, найдется в Магдебурге кто-то, готовый перекупить наши долги?

Но Эрлих только сильнее нахмурился:

– Я говорил с одним менялой с Золотого Моста. Он предлагает меньше половины за эти расписки. У других условия не лучше.

– Да, в этом нет никакого смысла, – вздохнув, сказал бургомистр.

– Отчего же, – возразил Хойзингер. – Если, не ровен час, под стены Магдебурга вернется армия кайзера, наши расписки не будут стоять вообще ничего. А сейчас из этой гнилой тыквы мы хотя бы сможем вырезать здоровую сердцевину.

– Цех подобных сделок не заключает, – набычился Эрлих. – И не отдает свое имущество за бесценок.

– Никогда, – подтвердил Карл Траубе.

Прочие цеховые мастера дружно закивали.

– Воля ваша, – хмыкнул Хойзингер. – Беда только в том, что сейчас вы, господа свечники, сами не отчисляете ничего в кленхеймскую казну. Вот, посмотрите!

И он разложил на столе бумаги.

– Решением общины цеху свечников был назначен размер годового налога в сотню талеров. Из них в казну поступило всего тридцать. Цех может ждать денег от скупщиков хоть до второго пришествия. А меня интересует лишь одно: когда вы сами заплатите городу?

Эрлих ничего не ответил. Его крепкие, покрытые вздувшимися голубыми венами руки лежали на черной поверхности стола без всякого движения. Казалось, он не слышал обращенного к нему вопроса.

– Когда город получит деньги? – раздраженно повторил Хойзингер.

Старшина неторопливо погладил кончиками пальцев жесткую седую бороду.

– Сейчас сделать ничего нельзя, – равнодушно сказал он. – Придется ждать до весны. После Пасхи в столицу прибудет купец из Гамбурга, с которым я вожу знакомство. Возможно, с его помощью мы сумеем устроить наши дела.

– Отговорки, пустые обещания! – воскликнул Хойзингер, черкнув по воздуху маленькой своей рукой. – «Вполне возможно», «после Пасхи»... Что будет после Пасхи?! Может быть, этот гамбургский торговец захочет выкупить долг. Может быть – нет. А может, к этому времени расписки скупщиков будут годны только на то, чтобы заворачивать в них соленую рыбу. Если у цеха нет денег, пусть отдадут нам имеющиеся в запасе свечи. И этими свечами мы выплатим подать наместнику.

– Нельзя ничего отдавать Магдебургу! – стукнул кулаком Фридрих Эшер.

– Напрасно кричишь, Фридрих, – невозмутимо произнес Адам Шёффль. – Здесь все решает не цех, а община. Или ты хочешь, чтобы мы платили подать из собственных кошельков?

Зал зашумел.

– Фридрих прав! Магдебург обирает нас – так зачем же идти на уступки? – говорили цеховые мастера.

– Сначала рассчитайтесь с общиной, а потом уже кивайте на Магдебург! – возражали им с задних скамей.

– Стефан говорит дело, – веско заметил Курт Грёневальд, наклоняясь поближе к бургомистру. – Так мы сможем уладить все.

Бургомистр поднял вверх руку, призывая людей к спокойствию. Хойзингер снова позвонил в колокольчик. Понемногу волнение улеглось.

– Полагаю, – возвысив голос, начал бургомистр, – что сейчас нам следует прийти к определенному решению. Пусть каждый подойдет к Гюнтеру Цинху и поставит свою подпись: в левой части листа – если он согласен с предложением господина Хойзингера; в правой – если он с этим предложением не согласен.

Решение было объявлено несколько минут спустя: две трети членов общины выступили за то, чтобы долг цеха перед городом, равно как и подать наместнику, был выплачен свечами из запасов цеха.

– Черт возьми, я против!! – проревел Эшер. Но на него никто не обратил внимания.

– Есть еще одно важное дело, которое нам следует сейчас обсудить, – продолжил бургомистр, когда все снова расселись по своим местам. – Его Высочество Христиан Вильгельм начинает войну против кайзера, а это значит, что вскоре в наших краях снова могут появиться имперские солдаты. Магдебургу они навряд ли сумеют навредить. Но Кленхейм – не Магдебург. У нас нет стен, нет пушечных бастаионов, против любого хоть сколь-нибудь крупного отряда мы беззащитны. Во время прошлогодней осады наемники Валленштайна, по счастью, не переправлялись на правый берег Эльбы, и поэтому никто не угрожал нам. Но кто поручится, что в следующий раз имперцы не сумеют организовать переправу? Тогда наш город неминуемо будет разорен, равно как и те деревни, в которых в прошлом году успели похозяйничать ландскнехты герцога Фридландского²⁹.

– Что ты предлагаешь? – чуть изогнув бровь, спросил Курт Грёневальд.

Бургомистр повернулся к Хагендорфу:

– Ты как-то говорил мне, Эрнст, что в городе имеется примерно три десятка аркебуз и еще две дюжины арбалетов. Так вот, этого мало. В случае нападения мы должны выставить хотя бы сотню вооруженных мужчин. Предположим, часть из них можно будет вооружить пиками, мечами и тому подобным. Но против солдат нужны в первую очередь ружья.

– И где мы, по-твоему, их возьмем? – пробурчал Хойзингер. – Вывозить из Магдебурга оружие и боеприпасы запрещено.

– Согласен, в Магдебурге оружия не достать. Но разве свет сошелся клином на Магдебурге? В трех милях от него, вверх по течению, есть укрепленный форт с гарнизоном в полсотни мушкетеров. Что, если мы поговорим с командиром этого форта? Армейские офицеры продажны.

Хагендорф почесал в затылке.

– Дело стоящее, – сказал он. – Думаю, мы сможем сторговать у него аркебузы и порох за полцены.

– Предположим, все это так, – забарабанил по столу пальцами Хойзингер. – Но по дороге груз могут перехватить люди Его Высочества, и тогда все это предприятие закончится для нас виселицей или драконовским штрафом. Слишком рискованно.

Бургомистр повел перед собой мягкой ладонью.

– Переправим оружие по реке. Загрузим баркас, прикроем сверху мешковиной. Никто ни о чем не узнает. Разумеется, для такого дела необходимо будет договориться с рыбаками в Рамельгау – но это несложно устроить.

– Согласен, толково придумано, – кивнул после паузы Хойзингер. – Остается только решить, где мы достанем деньги.

Бургомистр удовлетворенно качнул головой.

– К этому я и веду, – сказал он. – Кленхейм теперь обеднел, и все же от прежних времен у нас осталось немало богатств. Украшения, серебряная и оловянная посуда, светильники и многое другое, не говоря уже о больших запасах свечей. Все эти богатства являются собственностью членов нашей общины, и только они, как истинные владельцы, могут распоряжаться ими. Вот что я предлагаю: пусть каждая зажиточная семья Кленхейма внесет в городскую казну деньги и ценные вещи – столько, сколько сможет отдать. Собранных средств, как я полагаю, будет достаточно для закупки нескольких аркебуз, а также необходимого количества пуль и пороха. Хочу, чтобы вы поняли: речь идет о добровольном взносе, который должны будут сде-

²⁹ Герцог Фридландский – один из титулов Альбрехта Валленштайна.

лать все состоятельные горожане, включая меня самого. Семьи бедняков будут от этого освобождены и...

Поднявшийся в зале шум заглушил его слова.

– Для чего платить Магдебургу подати, если они не могут нас защитить?! – вскочил со своего места Карл Траубе. – Для чего вышвыривать деньги в эту бездонную яму?

– Наместник обобрал нас до нитки, – вторил ему Август Ленц. – А теперь мы должны стянуть с себя еще и исподнее!

– К черту аркебузы, дайте вначале пережить зиму! – гаркнул кто-то на заднем ряду.

– Без оружия что будем делать? Ты об этом подумал, дурья башка?!

– Чего кипятиться? Сказано же, пусть платит, кто хочет.

– Я-то уж точно ничего платить не буду! Мне семью кормить надо...

Люди кричали и размахивали руками. Сквозь окна, прильнув к стеклу, заглядывали любопытные. Ганс Лангеман, воспользовавшись суматохой, вытащил из-за пазухи маленькую бутылку темного стекла и сделал глоток. Фридрих Эшер вытер платком багровую потную шею.

Наклонившись к бургомистру, Хойзингер шепнул:

– Зря ты все это затеял, Карл. Они не согласятся.

Тот лишь недовольно посмотрел на него и ничего не ответил.

– Довольно кричать, – увещевал собравшихся Юниус Хассельбах, – речь идет о нашей же с вами...

Но никто не слушал его.

– Чтобы купить новые аркебузы, понадобится целая куча денег. Кто возместит нам эти расходы? – говорили одни.

– Против солдат все равно не удержимся! – твердили другие.

– Защита города – общее дело. Если уж платить, то пусть платят все, – хмурились цеховые мастера.

– Такие, как вы, скорее голову себе разобьют, чем отдадут хоть полкрейцера! – отвечали им с задних скамей.

– Тихо!! – рявкнул вдруг со своего места Якоб Эрлих, ударив кулаком по столу.

Люди с обескураженным видом посмотрели на цехового старшину.

– Тихо, – повторил Эрлих, тяжелым взглядом обводя собравшихся. – Без толку горлопанить. Речь теперь идет не о деньгах – о судьбе всего нашего города. Если имперские солдаты появятся здесь, ни сотней, ни тысячей талеров мы уже не отделаемся. Нужно защитить себя.

– Что ты такое говоришь, Якоб?! – всплеснул руками Карл Траубе. – Магдебург тянет с нас подати, не платит по долгам, в казне Кленхейма ничего не осталось, и ты еще предлагаешь, чтобы мы отдали последние деньги на покупку нескольких ружей?

– Когда ландскнехты ворвутся в твою спальню, Карл, что ты им скажешь? – чуть прищурив глаза, спросил Эрлих. – Предложишь пух из подушки?

– Да в том-то и дело! – воскликнул Траубе. – От них не защититься ни мушкетом, ни пикой. Они придут и возьмут, что хотят. Так не проще ли спрятать понадежнее то, что у нас еще осталось? Зачем тешить себя надеждой, будто можем справиться с ними?

Глядя на спорящих, бургомистр тяжело вздохнул и покачал головой. Затем машинально придвинул к себе пузатую серебряную чернильницу, стоявшую в центре стола. На круглых боках чернильницы была выгравирована сцена охоты – двое волков, преследующих оленя. Благородное животное пыталось спастись, выбрасывая вперед тонкие ноги, но волки уже настигли его, и рвали вытянутое в прыжке тело, и тянули его вниз. Серебряный олень был обречен.

– Солдаты грабят тех, кто не может за себя постоять, – заметил Эрнст Хагендорф. – Зверю нужна добыча, что послабее.

– С чего вы вообще взяли, что Кленхейму угрожает опасность? – спросил трактирщик Майнау. – До сих пор все было благополучно.

Бургомистр поднял вверх руку, призывая людей к спокойствию.

– Криком мы ничего не решим, – устало сказал он. – Выслушайте, что предлагает городской совет. Каждая семья, что платит не меньше четырех талеров годовой подати, пусть сделает свой взнос на покупку оружия – столько, сколько сочтет возможным. Могу вас заверить, что деньги эти не пропадут – община будет числить их как долг перед вами и вернет при первой возможности.

– Моя семья отдает Кленхейму серебряные кубки саксонской работы, – сказал Якоб Эрлих. – Они стоят не меньше сорока талеров.

– Даю двадцать талеров серебряной монетой и десять золотых флоринов, – сказал Курт Грёневальд.

– У меня с прошлых времен осталось несколько ценных вещей, – проведя ладонью по лбу, пробормотал Юниус Хассельбах. – Думаю, город сумеет извлечь из них пользу.

Наклонившись к уху соседки, Эрика Витштум зашептала:

– Лукавит, лукавит цеховой старшина. Знаю я его кубки, им цена вполтину меньше...

– Я ничего не отдам, – спокойно сказал Адам Шёффль, поднимаясь со скамьи, распрямляя крепкую спину. – Можете решать что угодно.

– Почему? – сурово спросил Курт Грёневальд.

– Я вовремя плачу подать и не заикаюсь об отсрочке, – спокойно ответил Шёффль. – Когда люди приходят на мою мельницу, я беру с них справедливую цену. В одно лето у меня сдохли три коровы, а в амбаре во время дождя провалилась крыша, так что залило добрую четверть муки. Разве я бросился в городской совет, стал хныкать и просить помощи? Нет, я этого не сделал. Вы знаете, что на мне четверо детей и старуха мать. Жена моя, Тереза, почти ослепла. Но я никогда никого не просил о помощи. Я не такой человек.

– Мы верим, что Господь будет милостив к твоей жене, Адам, – сказал бургомистр. – И все же разговор сейчас идет о другом.

– Я знаю, о чем идет речь, господин бургомистр, – спокойно ответил Шёффль. – Если надо будет, я первым выйду на защиту нашего города. Но и отдавать свои деньги, неизвестно на что, не стану. Таково мое слово.

– Поступай, как считаешь нужным, Адам, – тяжело глядя на мельника, произнес Якоб Эрлих. – Только знай: если тебе наплевать на дела общины – от других поддержки не жди.

Плоское лицо Шёффля – Хойзингер как-то заметил, что оно вполне под стать его ремеслу, поскольку напоминает мельничный жернов, – оставалось невозмутимым.

– Мой дом и мои заботы принадлежат только мне, – скрестив на груди руки, сказал он. – Я ничего не прошу. И ничего не отдаю другим.

– Ты напрасно... – начал было цеховой старшина, но бургомистр остановил его.

– Полагаю, мы уже достаточно времени потратили на разговоры, – сказал он. – По мнению городского совета, закупку оружия – разумеется, после того как будут собраны необходимые для этого средства, – следует поручить советнику Эрлиху, как человеку не только уважаемому, но при этом еще и искусственному в торговых делах. Все необходимые бумаги, касающиеся принятых сегодня решений, будут в надлежащий срок заверены членами городского совета и общинными судьями. Храни вас Господь!

Глава 6

Началась зима. Первый снег выпал после Дня святого Мартина и шел, не переставая, несколько дней, и меньше чем за неделю все сделалось белым. Пространство вокруг Кленхейма съезжилось теперь до небольшого пятка. Дома горожан, улицы и протоптанные в снегу тропинки, ратуша, церковь – все остальное было покрыто сугробами. Снег скрипел под ногами и неслышно обваливался с веток деревьев.

По утрам, когда еще было темно, начинали горланить петухи, громче всех – в птичнике старой Марты Герлах. Город просыпался – медленно, нехотя. Мычали коровы, в окнах зажигались свечные огни. Люди собирали и растапливали в кадках снег, чтобы получить воду, подбрасывали в печь дрова, кормили скот, широкими деревянными лопатами расчищали дорожки перед домом.

Солнце появлялось не скоро, и иногда его совсем нельзя было разглядеть из-за облаков. Наступал день. В воздухе пахло хлебом и дымом из печных труб. Улицы города были пусты – никто не хотел выходить на холод без лишней надобности. Женщины хлопотали по хозяйству, занимались стиркой или латали старую одежду. Их мужья работали в мастерских или просто сидели у теплого очага, а вечером, после того как стемнеет, отправлялись в трактир – выпить по кружке пива, обсудить дела, хоть немного отвлечься от тягостной зимней скуки. Время от времени сюда наведывался Фридрих Эшер вместе со своим сыном Альфредом, и мельник Шеффль приходил, чтобы пропустить стаканчик-другой вишневой наливки. Говорили о ценах и о свечной торговле, гадали, сколько хлеба удастся собрать после зимы и хватит ли этого хлеба, чтобы прокормиться до осени.

О войне говорили мало – о чем было говорить? Его Высочество Христиан Вильгельм так и не сумел очистить земли архиепископства от имперских солдат. Вначале наместнику сопутствовала удача: ему удалось разбить несколько вражеских отрядов и даже захватить врасплох Галле, где стоял католический гарнизон. Казалось, все идет так, как задумано, и до наступления зимы кайзерские генералы не успеют ничего предпринять. Но надежды эти оказались напрасными. По приказу из Вены против наместника выступил с отрядом в три тысячи человек граф Готфрид Паппенгейм³⁰. Его контратака была стремительной – он выбил солдат Его Высочества из всех занятых ими поселений и вынудил их отступить к Магдебургу, после чего подошел к стенам Эльбского города и предъявил ультиматум: открыть ворота и пропустить в город имперский гарнизон. Ни Христиан Вильгельм, ни его сторонники в городском совете не хотели ничего слышать о капитуляции. Решимость их укрепляли прибывшие из шведского лагеря солдаты под началом Дитриха фон Фалькенберга. Магдебург приготовился к обороне.

В Кленхейме надеялись, что по весне в здешние земли явится Густав Адольф со всей своей армией и прогонит имперские отряды прочь.

– Уж если никому из германских государей не хватает пороха, чтобы вышвырнуть отсюда имперцев, так пусть это сделают шведы, – говорил по этому поводу Фридрих Эшер, потягивая пиво из кружки. – Тогда и порядок будет на нашей земле, и торговля наладится.

– Думаешь, шведы лучше католиков? – возражал ему Август Ленц. – По мне, так что одни, что другие.

– У шведского короля в армии – дисциплина! – многозначительно говорил Филипп Брейтен. – Если где берут фураж или другие припасы, всегда платят честную цену, и никакого тебе грабежа.

³⁰ Готфрид Генрих цу Паппенгейм (1594–1632) – один из командующих войсками Католической лиги в Тридцатилетней войне.

– Вот-вот, – добродушно усмехался Эрнст Хагендорф, – глядишь, еще и свечей у нас прикупят. Не станет же шведский король в темноте в своей палатке сидеть!

Мужчины за столом захохотали. Фридрих Эшер крикнул, чтобы ему принесли еще пива.

– Ты мне лучше вот что скажи, Эрнст, – присев рядом с Хагендорфом, негромко спросил Карл Траубе. – Я слышал, с покупкой оружия все вышло не слишком-то гладко? Зря, получается, мы отдали свои денежки?

Начальник стражи нахмурился, потер рукой крепкий подбородок.

– Как тебе сказать, Карл... Я, признаться, куда больше боялся, как бы кто-то не донес на нас Его Высочеству и груз не перехватили по дороге. А насчет денег – чего греха таить, не рассчитали немного. Думали, сторгуем ружья дешевле, но комендант заломил такую цену, что хватило только на шесть аркебуз и к ним еще пуль десять дюжин.

– Очень дорого, – покачал головой Траубе.

– Дорого, – согласился Хагендорф. – А все же лучше, чем ничего.

Свет в окнах трактира горел допоздна.

Конрад Чеснок, развалившись на стуле и вытянув вперед длинные ноги, рассказывал, как следует ставить силки на зайцев, как отыскивать в лесу волчьи норы. Отто Райнер и Эрих Грёневальд играли в кости. Герхард Майнау сидел в стороне, поглядывая на посетителей, делая на маленькой грифельной доске пометки мелом, записывая, кто сколько выпил. Его дочь и младший сын убирали со столов пустые кружки и приносили обратно полные, разносили тарелки с солеными кренделями.

Каменщик Ганс Швибе, сгорбившись и подперев щеку рукой, жаловался, что земля у него не приносит должного урожая.

– Как будто проклятие наложили, право слово, – говорил он своему соседу, кузнецу Цандеру. – Что ни посажу – пшеницу, овес или горох, – так ничего не растет. Хорошо еще, если с одного мешка соберу полтора... Словно солью ее посыпали, ей-богу...

– Глинистая твоя земля, вот что, – утирая от пивной пены усы, отвечал ему Цандер. – По ту сторону ручья вообще хорошей земли нет. Господин цеховой старшина до войны собрался было полморгена у покойного старика Герлаха выкупить, так я ему отсоветовал. Зачем, говорю, деньги под ноги швырять? Вот у господина бургомистра или у Курта Грёневальда – вот у них да, земелька не чета нашей. По весне наймут батраков навроде Петера Штальбе или Гюнтера Грасса – руки самим мозолить не надо, а урожай такой, что нам с тобой и не снилось.

Иногда в трактир заходил и сын цехового старшины, Маркус Эрлих, – в своей всегдашней куртке из черной кожи, поверх которой был наброшен короткий полушубок. Пил он мало, все больше сидел и смотрел по сторонам, изредка перебрасываясь словами с приятелями. Несколько раз, поспорив с Чесноком или же Эрихом Грёневальдом, подходил к дальней стене трактира и кидал с двадцати шагов нож, неизменно попадая в центр нарисованной углем мишени.

* * *

Кленхеймским хозяйкам не полагалось появляться в трактире, да и времени на это не было – женщине следует поддерживать чистоту в доме, следить за детьми, и за скотиной ухаживать, и готовить на всю семью. Но иногда, в воскресный вечер, они собирались вместе за шитьем, чтобы поговорить друг с другом, обменяться последними сплетнями. Встречи эти обыкновенно проходили в доме бургомистра, в большой гостиной, которая запросто могла вместить полторы дюжины человек. Магда Хоффман всегда была рада гостям, а бургомистр, хотя и не любил присутствие посторонних в доме, не мог отказать ей в этом.

Новость, которую кленхеймские хозяйки обсуждали уже несколько дней подряд, была радостной: помолвка Маркуса Эрлиха и Греты, единственной дочери бургомистра. Помолвка должна была состояться перед наступлением Рождества.

– Это такая радость, такое счастье, госпожа Хоффман! – прижимая руки к груди, говорила Сабина Кунцель. – Дай им Господь долгой жизни и благополучия, пусть живут в мире!

– Что и говорить, славная пара, – откладывая в сторону шитье, произнесла Анна Траубе. – Скажи, Магда, ты уже толковала с мужем насчет приданого?

– Пусть Карл и Якоб решают, – ответила госпожа Хоффман. – Да и к чему спорить из-за приданого – ведь после нашей смерти все равно все им отойдет, им и их детям. У Греты ни братьев, ни сестер нет, да и у Маркуса тоже.

– Постой-ка, – удивилась Агата Шлейс, – а как же Андреас, Маркусов брат? Ему ведь тоже причитается что-то.

Магда насмешливо фыркнула:

– Что за брат такой, если он в городе уже пять лет носа не кажет! А вернется – так Якоб его все равно не пустит на порог; он сразу об этом сказал, едва только услышал, что Андреас пошел наниматься на военную службу. «Хорошее дерево не идет на растопку, а порядочному человеку нечего делать в солдатах» – так он сказал.

– Все ж таки какой-никакой, а наследник...

– Пусть у наших мужей об этом голова болит, нам в это лезть незачем, – отрезала Магда. – У женщин свои дела, у мужчин – свои. – Не договорив до конца, она вдруг прикрикнула: – Эй, Михель!

Жирный пушистый кот, сидевший рядом с плетеной корзиной и пытавшийся выудить оттуда один из мотков пряжи, с оскорбленным видом отошел в сторону и улегся поближе к камину.

– Думаю, не нам одним надо будет вскоре готовить помолвку, – с улыбкой произнесла госпожа Хоффман, поворачиваясь к Берте Майнау. – Я слышала, Ганс Келлер хочет посвататься к твоей дочери?

– Было, было такое, – нехотя кивнула жена трактирщика. – Приходил он к нам пару дней назад. Да только муж не захотел слушать его, сразу выставил за дверь.

– Почему же? Ганс парень работающий, почтительный, не беспутник вроде этого губастого Месснера. И сердце у него доброе, как я погляжу. Чего же еще?

– Все так, Магда, все так, – со вздохом согласилась Берта Майнау. – Да только у него ни гроша за душой и земли своей почти нет. Как за такого дочь выдавать? Ганс – добрый парень, никто не спорит. А все же не чета Маркусу. Вот уж кто в городе первый жених! Все при нем: и умный, и видный, и с богатым наследством. О лучшем и мечтать нельзя!

– Ах, госпожа Хоффман, какая же все-таки счастливица ваша дочь, – мечтательно произнесла Сабина Кунцель. – Молодой Эрлих – настоящий красавчик...

Поняв, что сболтнула лишнего, она покраснела и опустила глаза. Магда посмотрела на нее с насмешливым удивлением. Клара Эшер чопорно поджала губы.

Дочь пасечника Кристофа Эшера и жена Мартина Кунцеля, портного, Сабина ждала ребенка и к Рождеству должна была разрешиться от бремени. Ребенок получился крупный, и Сабине было непросто носить его. Из-за беременности она сильно подурнела – румяные щеки сделались бледными, глаза запали, и ходила она теперь вперевалку, точно гусыня. Но она была счастлива. Стоя у плиты, или стирая в котле с горячей водой грязные простыни, или сидя с прялкой и вытягивая тонкую шерстяную нить, Сабина улыбалась без всякой причины. Иногда она прикладывала руку к своему раздувшемуся животу, ощущая, как шевелится внутри ее ребенок, и тихо напевала ему колыбельную, что помнила с детства.

– Тебе бы лучше не о чужих женихах думать, а о своем малыше, – усмехнувшись, сказала Сабине Магда. – Запомни, девочка: сейчас, когда плод в утробе почти созрел, следует быть

очень осторожной. Нельзя сердиться, нельзя громко смеяться и плакать, иначе кровь твоя станет слишком горячей и это повредит плоду.

– А если кто-то напугает тебя, – прибавила, оторвавшись от своей вышивки, Эмма Грёневальд, – то кровь отошьет от чрева и может случиться выкидыш. Вспомните, что приключилось у Эльзы Герлах. Своего третьего ребенка она выкинула прямо на улице, в Хлебное воскресенье, за два месяца до положенного срока. Весь подол был в крови! А все потому, что накануне к их ограде подобралось двое волков, а Эльза их увидела и перепугалась до смерти.

– Так и есть, – подтвердила госпожа Траубе. – Не забывай, Сабина: все, что ты чувствуешь – радость, волнение, гнев, – все это может дурно отразиться на твоём ребенке. Будь спокойна и занимайся делом, не носи дурных и тяжелых мыслей, молись и почаще ходи в церковь. Тогда Господь будет милостив к тебе и твоему чаду.

– По мне, так лучше вообще не выходить со двора без лишней надобности, – заметила Магда Хоффман, перекусывая зубами нитку. – Не ровен час, споткнешься и упадешь. По делам пусть пока муженек твой побегает, все ему лучше, чем по вечерам в трактире сидеть. И к животным без надобности не подходи. Не зря люди говорят: коли беременная будет часто смотреть на свиней, быть ребенку обжорой, а если встретит на дороге зайца – родится дитя с заячьей губой.

Сабина испуганно перекрестилась.

– А самое главное, – продолжала Магда, – сторонись тяжелой работы и не ешь лишнего. Скажи, Мартин уже сделал малышу колыбель?

– Да, он почти все закончил. Колыбелька получилась такая славная – он вырезал на ней...

– Хорошо, – перебила Магда. – С завтрашнего дня Грета будет приходить к тебе и помогать по хозяйству. Нечего с таким животом стоять у плиты. На свой век успеешь еще поработаться.

– Спасибо вам, госпожа Хоффман, – растроганно пробормотала жена плотника. – Храни Господь вас и вашу...

Магда недовольно махнула на нее рукой:

– Хватит, девочка. Знаешь же, я этого не люблю.

– Тебе сейчас нужно много молиться, Сабина, очень много, – пробормотала, продевая нитку в иголку, Клара Эшер. – Если мать усердно молится и не произносит богохульных слов, то и нрав у ее ребенка будет благочестивый и добрый. Чего еще можно желать? Если же мать ведет себя неподобающе... Надеюсь, в эти месяцы ты не позволяла своему мужу... Ты понимаешь, о чем я?

Сабина густо покраснела и отрицательно покачала головой.

– Это хорошо, хотя и недостаточно, – поджала губы госпожа Эшер. – Ты совершила большой грех, забеременев до дня свадьбы. Только молитва и благочестивое поведение могут смыть этот...

– Довольно, – вмешалась в разговор Магда Хоффман. Клара притихла и опустила глаза к вышиванию. – А ты, Сабина, запомни-ка лучше вот что: обращать молитву к Господу нужно всегда, чтобы уберечься от беды самой и ребенка своего уберечь.

– Вот-вот, – вступила в разговор Эмма Грёневальд, – только молитвой и защитишься! Сколько раз я говорила Терезе Шёффль: не пропускай воскресную службу, оставь все дела и иди в церковь, и Господь охранит тебя от несчастий... Нет, не послушала. И вот какая беда стряслась...

Она всхлипнула и утерла слезу со щеки.

Тереза Шёффль была женой мельника, Адама Шёффля. Она была старше своего мужа на несколько лет и выше его ростом. У нее были полные руки и круглое, доверчивое лицо. Голубые глаза смотрели на всех спокойно и ласково. Многие говорили, что она слабоумная. Ее первый ребенок умер оттого, что она уронила его вниз головой на мостовую. Мельник тогда чуть не

забил Терезу до смерти, но потом простил. В конце концов, рассудил он, маленькие дети и без того умирают, а найти работящую, послушную жену – дело хлопотное. На следующий год она родила ему двойню – крепких, здоровых малышек – и на этот раз следила за ними, как полагается. Мельник был доволен ею: она никогда ему не перечила и хорошо вела хозяйство.

И вот весной – будто других бед было мало! – Тереза Шёффль начала слепнуть. Вначале зрачки ее голубых глаз немного замутились, затем на них проступила белесая пленка, похожая на рыбий пузырь. Все полагающиеся в таких случаях средства были испробованы: молитвы, целебная вода из родника под Серебряным камнем, примочки, васильковый отвар. Несколько раз в день Тереза укладывала себе на переносицу маленькое распятие – так, чтобы края креста, к которым были прибиты ладони Спасителя, располагались прямо перед ее глазами. Ничего не помогло. К зиме зрачки женщины стали белыми, как молоко.

– Бедняжка Тереза, – пробормотала госпожа Хоффман. – Как теперь Адам будет справляться один?

– Господь милостив, – произнесла Анна Траубе. – Все образуется.

* * *

Наступил Адвент, последний месяц перед празднованием Рождества.

В первое воскресенье Адвента алтарь кленхеймской церкви украсили еловыми ветвями и накрыли пурпуровой тканью. На крыльце каждого дома была выставлена под жестяным колпаком восковая свеча, и маленькие золотые огни горели на городских улицах ночью и днем.

Светлая, праздничная пора... Карл Хоффман любил это время. Все кругом тихо, спокойно. Не нужно никуда спешить, неоткуда ждать неприятных известий. Трещит в камине огонь, на столе лежит раскрытая книга, в окнах мерцают замерзшие ледяные цветы.

С наступлением зимы бургомистр почти все время проводил у себя дома и редко появлялся в ратуше. Дел, которыми следовало заниматься, было немного. К тому же ратуша плохо отапливалась, а от холода у него начинало ломить кости.

Проснувшись, Хоффман завтракал, принимал просителей или разбирал бумаги, которые время от времени приносил ему Гюнтер Цинх. Часто, накинув на плечи шерстяное одеяло, садился у камина и подолгу глядел на огонь.

Сегодня ему следовало разобрать несколько ходатайств, направленных в Кленхеймский магистрат. Одно из них было подано Анной Грасс, швеей, женой батрака Гюнтера Грасса, и касалось продления аренды маленького куска земли на городском кладбище, на котором были похоронены родители Анны. Земля в Кленхейме, равно как и во многих других городах и селах Германии, ценилась высоко, и община не могла позволить себе выделять участки для постоянных захоронений. Такие участки выдавались горожанам на правах аренды, на срок в пару десятков лет, и если по истечении этого срока аренда не была продлена или же не была вовремя внесена полагающаяся плата, то земля переходила в распоряжение другого семейства.

Анна Грасс жаловалась совету на безденежье и отсутствие работы и просила об отсрочке ежегодного платежа. Прочитав ее письмо, бургомистр задумался. Как поступить? Анна Грасс – женщина бедная, но при этом добропорядочная и честная. Разве виновата она в том, что в Кленхейме наступили тяжелые времена? Если раньше многие городские семейства были готовы платить и швее, и прачке, и кровельщику, то теперь, когда денег в городе поубавилось, всю работу предпочитали делать сами или же откладывать ее на потом. Откуда же взяться заказам? С другой стороны – порядок есть порядок, и если отступить от него хотя бы единожды, то потом придется забыть о нем навсегда. «Анне Грасс дали отсрочку, почему тогда мы должны платить? Разве нашим семействам теперь легко?» – так будут говорить остальные. Нет-нет, давать отсрочки никак нельзя... Если Анна и Гюнтер не могут внести арендную плату деньгами, магистрат назначит им выполнение работ для нужд города.

Бургомистр поднялся из-за стола, чтобы немного размять ноги, подошел к окну.

Было три часа пополудни. Солнечный свет уже потускнел, и небо над городом сделалось жемчужно-серым. Над кромкой далекого леса кружили птицы. На той стороне улицы старый Георг Крёнер, вооружившись длинным шестом, сбивал с крыши смерзшиеся комья снега. Мартин Лимбах, недовольно кряхтя, колот перед своим домом дрова.

Постояв немного, бургомистр подошел к камину, поправил кочергой наполовину обгоревшее полено. Затем опустился в кресло, взял в руки книгу, лежащую на столе. Это была «Диатриба о свободе воли» Эразма – одно из тех немногих сочинений роттердамского мудреца, которые ему удалось приобрести в Магдебурге. Открыв заложенную страницу, он прочел:

«Не следует думать, что я – как это бывает на собраниях – измеряю ценность суждения по числу голосующих или же по достоинству высказывающихся. Я знаю, в жизни нередко случается, что большая часть побеждает лучшую. Я знаю, что не всегда лучшим является то, что одобряет большинство. Я знаю, что при исследовании истины никогда не лишне добавить свое прилежание к тому, что было сделано прежде. Я также признаю, что только лишь авторитет божественного Писания превосходит все мнения всех людей».

Хоффман отложил книгу в сторону. Какая-то странная вялость вдруг овладела им. В последнее время такое часто случалось – часами напролет он мог сидеть, закрыв глаза, не думая ни о чем, не испытывая желания даже встать с кресла, сидеть, глядя на остывший камин... Машинально бургомистр перевернул еще несколько страниц, скользя невидящим взглядом по черным строчкам. Один из абзацев был отчеркнут грифелем. Чуть прищутив глаза, он прочел его:

«Те, кто утверждает свободную волю, обыкновенно приводят в первую очередь слова из книги под названием «Проповедник», или «Премудрость Сирахова», в главе пятнадцатой: Бог сначала сотворил человека и оставил его в руке произволения его. Он добавил Свои законы и заповеди: если хочешь соблюдать заповеди, то и тебя соблюдут, и ты навсегда сохранишь благоуюдную верность. Он предложил тебе воду и огонь – на что хочешь прости свою руку. Перед человеком жизнь и смерть, добро и зло; что понравится ему, то ему и дастся...»

Прежде Хоффман часто делал такие пометки – если не понимал прочитанного или же если мысль, содержащаяся в книге, казалась ему важной и заслуживающей внимания. Для чего же он отчеркнул эти несколько строк? Не вспомнить теперь...

Бургомистр закрыл книгу, провел ладонью по шершавой обложке.

В последнее время он все чаще брал книги не для того, чтобы прочесть. Книги успокаивали и согревали его ничуть не хуже, чем тепло очага. За свою жизнь он собрал их чуть больше сотни. Часть из них была куплена в книжных лавках Магдебурга, часть досталась ему от отца.

Карл всегда был книжником, и чтение тяжелых, пахнущих кожей и старой бумагой томов доставляло ему гораздо больше удовольствия, нежели общение с людьми. Совсем недавно он понял, в чем тут дело. Книги были такими же, как он. Запах старости, который он ощущал, когда брал их в руки, был его запахом.

Любовь к чтению зародилась в нем с тех самых пор, как отец впервые привел его в ратушу и указал на небольшой письменный стол со стопкой бумажных листов и гусиными перьями. То была первая в его жизни работа – работа секретаря при Кленхеймском магистрате. Пока его сверстники веселились в трактире, дрались, от души хохотали над непристойными песнями или волочились за девушками, он сидел за этим столом, переписывая бумаги, проверяя, по приказу тогдашнего казначея, счета или же выискивая на полках огромного, до потолка, книжного шкафа тексты старинных архиепископских грамот, которые вдруг по той или иной причине понадобились господам советникам. Эти грамоты были переплетены в большие тома, скрепленные металлическими застежками, с металлическими же уголками по краям. Когда никакой работы не было, он доставал один из таких томов и принимался читать. Старые пергаменты или бумажные листки, сшитые внутри кожаного переплета, – они казались ему шел-

ковыми на ощупь, и Карл переворачивал их бережно, с величайшей аккуратностью, как будто от любого неловкого прикосновения они могли рассыпаться в пыль.

Многие документы, которые он находил, были составлены несколько сот лет назад. Хартия, утвержденная архиепископом Буркхардом, согласно которой Кленхейм обретал права города. Архиепископские указы разных лет о назначении Кленхейму размера годовой подати. Указ, дарующий право устройства воскресного рынка. Грамота, по которой город получал привилегию поставлять свечи для нужд двора Его Высокопреосвященства, а также для нужд монастырей и церквей в Магдебурге. Рукописная копия устава цеха свечных мастеров. Решение городского совета об изгнании Адольфа Илла и его семейства. Письмо к господину Кламму, землемеру при дворе Его Высокопреосвященства. Жалобы, расписки, счета... Иногда случалось так, что отдельные слова или даже целые предложения в документах нельзя было разобрать из-за того, что выцвели чернила или затерся пергамент. Хоффман очень досадовал на это.

Со временем он настолько хорошо изучил содержание старых документов, что его все чаще стали приглашать на заседания Совета. Отец был доволен им, да и другие советники хорошо отзывались о толковом молодом человеке.

Когда отец брал его с собой в Магдебург, Карл всегда старался улучшить минутку и забежать в одну из книжных лавок, расположенных недалеко от площади Старого рынка. Стоило ему переступить порог, и он уже не мог оторвать своего взгляда от заставленных книгами высоких шкафов. Перед ним были сотни книг, с названиями, которые были ему знакомы или же о которых он никогда прежде не слышал, книги из разных стран и на разных языках – немецком, французском, латыни, итальянском. Одних только Библий здесь стояло несколько дюжин. Здесь были книги печатных мастерских Кобергера, Виллера и Плантена. Были «Корабль дураков» Бранта, «Тиль Уленшпигель» и «Голова Медузы Горгоны» Фишарта, работы Лютера – «Виттенбергский песенник», большой и малый катехизис, «Похвала музыке» и другие. Особняком стояло несколько рукописных книг – стоили они по меньшей мере в три или четыре раза дороже печатных.

Книги были его любовью, он потратил на них целое состояние. К кому же все это богатство перейдет после его смерти? Маркусу, его будущему зятю? Наверяд ли. В семье Эрлихов никогда не держали книг – они не умеют ценить их, не видят в них смысла. Кому же тогда? Может быть, Гюнтеру Цинху? Умный, сообразительный юноша, хорошо исполняет обязанности секретаря. Что ж, наверное, так и следует поступить...

* * *

Мягко ложился на землю снег, летели незаметные, похожие друг на друга дни.

Был канун Рождества. На ратушной площади Кленхейма уже установили огромную ель, украшенную гирляндами, восковыми фигурками и звездами из золоченой бумаги. Зимнее солнце проглядывало из-за облаков, снег весело хрустел под ногами, разлетались над площадью звонкие детские голоса.

В условленное время Маркус и его отец подъехали к дому бургомистра, спешили, подошли к крыльцу. Карл Хоффман вышел им навстречу, широко распахнул дверь, приглашая войти.

Переступив порог, гости отряхнули снег с башмаков, бросили полушубки на стоящий в углу ларь. Якоб Эрлих пригладил жесткие седые волосы. Маркус кашлянул, стараясь унять волнение. Сегодня утром он достал из сундука свою праздничную одежду – короткую куртку черной замши с серебряной застежкой у ворота, черные штаны до колена, башмаки с медными пряжками. Якоб Эрлих был одет в серое. Тугой, выпирающий между полами кафтана живот

перетягивал широкий кожаный пояс, на груди тускло мерцала серебряная цепь цехового старшины.

Следуя за бургомистром, они вошли в гостиную.

Кроме бургомистра и его жены, здесь находились еще четверо: Курт Грёневальд, Стефан Хойзингер и Карл Траубе – именитые люди города, которым надлежало засвидетельствовать помолвку, – а также пастор Карл Виммар, который, по обыкновению, держался чуть в стороне от остальных. Греты в комнате не было.

Все обменялись приветствиями. Церемония началась.

Пастор откашлялся и сделал шаг вперед.

– Зачем ты пришел сегодня в дом нашего собрата, достопочтенного Карла Хоффмана? – спросил он цехового старшину.

– Чтобы просить руки его дочери для моего сына.

– Ты просишь об этом честно и без дурных намерений?

– Да.

– И ты готов выполнить для этого все, что требуется по обычаю?

– Да, – чуть наклонил голову старшина.

Пастор повернулся к бургомистру:

– Ты слышал просьбу нашего собрата, достопочтенного Якоба Эрлиха?

– Да, – ответил Карл Хоффман.

– И каким будет твое слово?

– Я даю согласие.

Отец Виммар кивнул:

– Да будет так. Обычай требует, чтобы свадьба состоялась не раньше, чем через полгода после помолвки. К тому времени вы должны будете решить, какую часть своего имущества передаете своим детям после их вступления в брак, а какую удерживаете за собой.

По знаку пастора Карл Хоффман и Якоб Эрлих выступили вперед и пожали друг другу руки. Мягкую ладонь бургомистра сдавила дубовая ладонь цехового старшины. Отцы семейств обнялись.

– Помните, – произнес пастор, обращаясь к бургомистру и Эрлиху, – что отныне ваши дети обручены перед лицом Господа. С этой самой минуты им надлежит быть верными друг другу, хранить свое целомудрие до назначенного дня свадьбы, не поддаваться искушениям и соблазнам. Пусть души их очистятся и исполнятся взаимной любви. Ибо брачный союз есть драгоценный дар, что дается до конца жизни.

С этими словами Карл Виммар подошел к столу, в середине которого стоял серебряный подсвечник с тремя свечами. Одну за другой он зажег их.

Цеховой старшина похлопал бургомистра по плечу, усмехнулся:

– Вот мы и породнились, Карл. Надо бы теперь и бумаги составить.

– Успеется, – ответил ему бургомистр.

Магда Хоффман отворила дверь, и в комнату вошла Грета. Глаза опущены, щеки порозовели от смущения. Маркус поднял на нее взгляд и замер на месте, забыв обо всем, что должен был сделать.

– Обручение не считается законченным до тех пор, пока жених не вручит невесте знак верности и любви, – заметил пастор.

Отец подтолкнул Маркуса в спину.

Юноша сделал шаг вперед и протянул Грете белую шелковую ленту – символ помолвки. И когда она протянула руку, чтобы принять ее, коснулся кончиками пальцев ее маленькой теплой ладони.

Глава 7

Наступил новый, тысяча шестьсот тридцать первый год.

Этот год принес с собой радостные известия. Несмотря на холода и снег, шведский король Густав Адольф продолжал свое наступление на позиции императорской армии. Его войска захватили города Гартц и Пикриц, взяли в осаду Грейфсвальд, Демин и Кольберг. В руках шведов оказалась вся Померания. Неприятель отступал, теряя артиллерию, людей и обозы.

Встревоженный военными успехами Густава Адольфа, фельдмаршал фон Тилли, новый имперский главнокомандующий, быстро собрал в кулак разбросанные по разным германским землям отряды и выступил на север, чтобы воспрепятствовать продвижению короля. Императорский двор в Вене и вожди Католической лиги надеялись, что фон Тилли сумеет опрокинуть врага и заставить его отступить. Однако удача по-прежнему была на стороне короля Густава. Демин и Кольберг пали. После трехдневной атаки штурмом был взят Франкфурт-на-Одере, который оборонял восьмитысячный имперский гарнизон. Несколько тысяч солдат было убито и взято в плен, многие утонули в Одере, выжившие бежали в Силезию. Над крепостными башнями города развевалось теперь сине-золотое шведское знамя.

Успехи короля Швеции придали решимости германским князьям-протестантам. Собравшись по приглашению курфюрста Саксонии на ассамблею в Лейпциге, они потребовали от кайзера отмены Реституционного эдикта, прекращения войны и роспуска наемных отрядов, грабивших немецкие земли. На тот случай, если Фердинанд Габсбург откажется удовлетворить их требования, князья постановили собрать сорокатысячную армию и добиваться искомого права силой оружия. Весть об этом разлетелась по всей Империи в считанные дни.

Теперь императору противостоял не только грозный противник на севере, но и его собственные подданные, заключившие в Лейпциге свой союз. Тем временем Франция, оправившаяся от внутренней смуты и понемногу возвращавшая себе былое могущество, открыто объявила о союзе с королем Густавом, пообещав выплачивать ему ежегодную субсидию в четыреста тысяч талеров на ведение войны в землях Империи. Чаша весов неумолимо клонилась на сторону противников кайзера. Кажется, слова Христиана Вильгельма начинают сбываться.

Между тем имперские отряды по-прежнему стояли под стенами Магдебурга. У графа Паппенгейма не было ни артиллерии, ни достаточных сил, чтобы начать полноценную осаду. Но его патрули держали под надзором весь левый берег Эльбы, препятствуя подвозу продовольствия. Несколько раз Дитрих фон Фалькенберг, назначенный к тому времени начальником магдебургского гарнизона, устраивал вылазки, пытаясь отбросить имперцев, но все его усилия ни к чему не привели.

В Магдебурге росло недовольство, люди были напуганы. Ходили слухи, что после своих неудач на севере фельдмаршал Тилли намеревается повернуть свою армию на юг, к Магдебургу, дабы жестоко покарать Эльбский город за союз с королем Густавом.

По замерзшим зимним дорогам из города потянулись беженцы. На лошадях, на телегах, на разбитых повозках они пересекали мост, связывающий левый и правый берега реки, и направлялись дальше, в Силезию и Бранденбург, в Пруссию и Курляндию, в земли польского короля – туда, куда еще не успела дотянуться война.

Многие из беженцев появлялись в Кленхейме. Просили корма для лошадей, ночлега себе и своим детям. Кленхеймские семьи поначалу охотно принимали их, расспрашивали обо всем, что происходило в столице, давали в дорогу хлеба.

Люди среди приезжих попадались разные. Кто-то выглядел тихим и напуганным, кто-то с горящим взором рассуждал о неминуемом конце света, кто-то осторожно выпрашивал, можно ли остаться в городе еще на несколько дней.

Среди них бургомистру почему-то особенно запомнились двое: молодая женщина с печальным лицом и ее спутник, по виду много старше ее, с изуродованной ожогом щекой и спадающими на лоб темными волосами. Женщину звали Вейнтлетт, она была родом из города Бамберга. На вопрос о том, почему же в столь трудное и опасное время она решила оставить родной город и отправиться в далекое путешествие, женщина не ответила. О своей семье она вообще говорила крайне неохотно. Из разговоров с ней Карл Хоффман сумел только понять, что отец ее занимал какой-то значительный пост в Бамбергском магистрате, но недавно умер, после чего она со своим спутником, который прежде служил ее отцу, решила отправиться к родственникам на север, в Данциг.

Несмотря на свою молодость и красоту, женщина почему-то напоминала старуху: мелкие, подрагивающие движения, пожелтевшая кожа, тусклый, обессиленный взгляд. Присмотревшись, бургомистр заметил, что у нее сломаны два пальца на левой руке – неестественно вывернутые, высохшие.

О том, что происходит в Магдебурге, Вейнтлетт знала немного. В городе не хватает хлеба, магистрат старается организовать раздачу продовольствия беднякам. Горожане испуганы, но по-прежнему надеются на помощь шведского короля и готовы защищать свой город с оружием в руках.

– Люди сейчас очень озлоблены на кайзерских наемников, – говорила Вейнтлетт. – Так в Германии всюду. Крестьяне отказываются выдавать им продовольствие, города запирают перед ними въездные ворота. Говорят, неподалеку от Люнебурга жители нескольких деревень объединились, чтобы вместе охранять свои семьи и имущество. Они убивают любого солдата, который посмеет появиться в их краях.

– Подобная смелость заслуживает уважения, – заметил бургомистр. – И все же убивать всех подряд, без разбору – это большой грех.

– Любое убийство – грех, – тихо ответила женщина. – Но что еще остается людям, которые доведены до отчаяния...

* * *

В конце марта случилось то, чего все так боялись и чего до самого последнего момента надеялись избежать: к Магдебургу подошел с тридцатитысячной армией фельдмаршал фон Тилли. Весь левый берег реки кишел теперь палатками, в воздух поднимался дым от сотен костров. Под стены Магдебурга была стянута мощная осадная артиллерия, и жители Кленхейма могли отчетливо слышать звуки пушечных ударов, обрушивающихся на столицу.

Никто в Кленхейме не хотел приближаться к осажденному городу. От рыбаков в Рамельгау знали, что на правый берег реки католики пока не переправлялись; что шведский король со своей армией по-прежнему остается на севере и не очень-то спешит на помощь к своему союзнику; что имперские батальоны еще не штурмовали город, но осаду ведут по всем правилам и что Магдебургу, должно быть, приходится теперь несладко.

По распоряжению Карла Хоффмана караулы у ворот были удвоены, часовые на башнях должны были сменяться каждые три часа. Вдоль западного участка ограды вырезали кусты шиповника и срубили пару берез – чтобы никто не мог подобраться к городу незамеченным. Эрнст Хагендорф лично проверил все имеющиеся в городе ружья и арбалеты и распорядился держать их в полной готовности. В доме покойного Дитриха Вельца – после смерти хозяина дом пустовал – в спешном порядке была устроена казарма, где постоянно находились пятеро стражников при оружии, по первому же сигналу готовые спешить на подмогу своим товарищам, стоявшим в карауле у ворот. Раз уж католики снова появились в здешних краях – в любую минуту надо ждать нападения.

В один из апрельских дней у Южных ворот остановили незнакомого человека. Назвался он Рупрехтом из Роттенбурга, просил пустить его в город переночевать. Выглядел человек подозрительно, и после недолгих обсуждений было решено отвести его в ратушу.

– Кто ты такой? – спросил бургомистр, устало глядя на незнакомца.

– Я? – шмыгнув носом, переспросил тот. – Солдат. Бывший солдат. Я, ваша милость, сбежал от них.

– Вот как? И почему ты сбежал?

– Хотели повесить, оттого и сбежал, – ответил солдат. От него пахло луком и грязной одеждой. – Вольф плохо связал меня, вот я и дал деру.

– В чем ты провинился?

– Украл кусок конины у капрала Юппе. Не повезло...

– Неужели тебя приговорили к смерти из-за куска конины?

Солдат криво усмехнулся, обнажив порченные гнилью зубы:

– Вешают, случается, и не за такое.

– Зачем же в таком случае было рисковать своей жизнью? – удивился бургомистр.

– Посидели бы вы в нашем лагере на речной воде да тухлой капусте, ваша милость... И двух дней бы не продержались. Хотя я, конечно, болван – надо было дожидаться, пока капрал отойдет от палатки подальше. Но не стерпел: он вышел, а я сразу полез внутрь, туда, где лежал мешок. А Юппе, – солдат крепко выругался, – за каким-то лешим понадобилось вернуться. Вот и сцапал меня... Хорошо еще, что Вольф, наш полковой палач, плохо связал мне руки. Я развязался и удрал, они еще даже веревку к дереву приладить не успели. У нас ведь как заведено – абы где человека не вешают, тут специальный порядок есть. Если ты, скажем...

– Зачем ты пришел в наш город? – прервал его болтовню Якоб Эрлих.

– Я не знал, что тут город. Бежал через лес, потом гляжу – дорога. Приложился ухом к земле – патрулей не слышно. Я и пошел по дороге, пока не очутился здесь.

– Что ты хотел украсть?

Солдат приложил руку к груди:

– Господом клянусь, ничего. Увидел дома, церковь и подумал: «Вдруг повезет и меня здесь накормят». А вместо этого связали и потащили к вам.

– Куда ты пойдешь дальше?

– Отправлюсь на север. Там сейчас шведы, наймусь к ним. Говорят, правда, что у них порядки строгие – так, может, и кормят получше.

– Скажи мне, – немного помолчав, спросил бургомистр, – что говорят в твоём лагере – скоро ли снимут осаду?

Солдат насмешливо фыркнул:

– Снимут?! Вы большой шутник, господин. Думаете, Старый Иоганн привел сюда свою армию просто так, водички из Эльбы попить? У него одной только пехоты восемь полков, несколько дюжин пушек да еще и мортиры. Но, правда ваша, долго держать осаду старик не сможет – иначе все его люди передохнут с голоду. Еду доставать негде, из окрестных деревень забрали все, что только смогли. В лагере у торговцев хлеб втридорога, его только офицеры и могут купить. Думаете, меня одного хотели повесить за кражу? Сходите на тракт – там много таких болтается. Когда живот к спине присыхает, уже ни о чем не думаешь. Готов у самого господина полковника отхватить кусок от его жирной задницы, лишь бы только брюхо наполнить. Так что, думаю, пойдут наши ребята на штурм. Повезет – и трофеи будут, и еды вдоволь. Не повезет – выпустят им кишки на бруствере. Я, между прочим...

– Постой, – прервал его бургомистр, – ты сказал, что из деревень все забрали. Но ведь это только на левом берегу?

– Плохо вы знаете наши дела, господин. Наши, почитай, уже неделю как сюда, на правый берег, переправились. Граф Готфрид сразу распорядился по здешним местам разослать

интендантов, собирать везде хлеб и фураж. Нельзя же людей впроголодь все время держать! Я, правда, не особо надеюсь, что наши отыскать что-то сумеют. Обычно бывает так, что выпотрошат деревню, перевернут сверху донизу, а найдут лишь пару поросят да несколько мешков с мукой. Роте солдат этого и на один день не хватит. Самое богатство – это монастыри. У них на подворьях чего только не найдешь. Индюки – что твои бараны, сам видел. Вот только...

Солдат вдруг осекся и внимательно посмотрел на господ советников.

– Вы, видно, сами думаете, где бы зерна прикупить? Так ведь? – с ухмылкой спросил он. – Весна – время голодное... Могу дать один совет. Не за так, конечно. Я, по правде сказать, не ел с тех самых пор, как меня собрались вешать. Так вот, если дадите мне в дорогу хотя бы полкаравая хлеба...

– Не думаю, чтобы твои советы того стоили, – с презрением процедил Якоб Эрлих.

– Подожди, Якоб, – остановил цехового старшину Хоффман. – Пусть скажет. Если совет дельный, я дам ему хлеба. Говори.

Солдат взъерошил свои сальные волосы.

– Вы только, господин, не обижайтесь. Хороший совет не всегда придется по нраву...

– Да говори же! – стукнул кулаком Хагендорф.

– Совет такой: как бы голодно ни было, сидите в своем городе тихо и носа никуда не высовывайте. Сторожите свои дома, а про другие деревни забудьте. Если их еще не выпотрошили – значит, выпотрошат завтра. И к вам непременно явятся.

– Тебе-то откуда знать? – сказал Эрлих.

– Сторожите свои дома, готовьте ружья, – настойчиво повторил солдат. – Я даю хороший совет, господин. На дорогах повсюду конные патрули. У нашего брата-солдата жизнь звериная – острые клыки, быстрые ноги да пустой живот. Рыскаем по дорогам, ищем, кого послабей. Попадётся – благодарите Святую Деву, если останетесь живы. Я слышал, особенно лютуют хорваты, их у господина графа много служит в кавалерии. Эти хорваты похуже турецких янычар – одно звание, что христиане. Выпустят вам кишки наружу и в таком вот виде повесят на ветку. Или еще, случается, распнут человека тем же манером, что евреи распяли Сына Божьего. Верьте мне, господин, на дорогах сейчас очень опасно. Затяните пояса, но из города ни ногой. Может, и пронесет нелегкая. А как уйдет армия, там, пожалуй, можно и нос чуть-чуть высунуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.